

Ассолан А.

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
КАПИТАНА
КОРКОРАНА**

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Альфред Ассолан

**Приключения
капитана Коркорана**

«Алгоритм»

1867

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

Ассолан А.

Приключения капитана Коркорана / А. Ассолан — «Алгоритм»,
1867 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-03511-1

Альфред Ассолан (1827–1886) – популярный французский писатель XIX столетия, перу которого принадлежит несколько десятков приключенческих романов. Представленный в данном томе роман «Приключения капитана Коркорана» выдержал во Франции более десяти переизданий. Его герой, капитан Коркоран, отправившись по заданию Лионской академии наук в Индию на поиски священной книги индусов, знакомится там с индусским правителем Голькаром и его дочерью, красавицей Ситой, которой угрожает бывший первый министр Голькара, а теперь изменник Рао. Очарованный красотой девушки, капитан Коркоран обещает защитить ее от любой опасности и поручает охрану Ситы своей любимице, тигрице Луизон...

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-03511-1

© Ассолан А., 1867

© Алгоритм, 1867

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	10
Глава III	13
Глава IV	20
Глава VI	33
Глава VII	37
Глава VIII	44
Глава IX	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Альфред Ассолан

Приключения капитана Коркорана

Часть первая

Глава I

Академия наук (в Лионе) и капитан Коркоран

29 сентября 1856 года, около трех часов дня, Лионская академия наук, заседавшая в полном составе, единодушно спала. Но в извинение господ академиков, говоря правду, надо упомянуть о том, что с двенадцати часов дня им читалось сжатое резюме о трудах знаменитого доктора Лорица Шварца из Шварцгаузена об отпечатке, оставляемом на пыли левой лапкой не позавтракавшего паука. Впрочем, надо отдать справедливость спавшим: все они не сдались сну без сопротивления. Один из них, прежде чем оперся локтями на стол и опустил голову на руки, пытался набросать пером фигуру римского сенатора, но сон одолел его как раз в ту минуту, когда он искусной рукой изображал складки тоги. Другой из листа белой бумаги соорудил целый линейный корабль, и легкое похрапывание господина академика, казалось, должно было играть роль ветра, раздувавшего паруса судна. Один только президент, откинувшись и опираясь спиной о спинку кресла, спал с полным сознанием своего достоинства и, держа руку на колокольчике, как солдат под ружьем, сохранял внушительный вид.

А в это самое время поток слов лился беспрерывно, и господин доктор Лориц Шварц из Шварцгаузена излагал бесчисленные соображения о происхождении и возможных последствиях своих открытий. Вдруг стенные часы пробили три часа, и все почтенные члены академии мгновенно проснулись. Президент заговорил звучным голосом:

– Господа! Так как первые пятнадцать глав этой прекрасной книги прочитаны и выслушаны нами, мы имели полную возможность убедиться в обилии новых и плодотворных выводов и соображений, ввиду чего академия, приветствуя господина доктора Шварца, полагаю, не может иметь что-либо против назначения слушания остальных пятнадцати глав на будущей неделе. Таким образом, каждый из нас будет иметь более времени для обсуждения этих великодушных идей и, если окажется нужным, предъявить автору свои возражения.

Так как на это господин Шварц изъявил полное свое согласие, поспешили отложить чтение и перешли к другим докладам.

Тогда поднялся с кресла небольшого роста человек с седыми волосами на голове и с седой бородой, с живыми, пронизательными глазами, заостренным подбородком и кожей, казавшейся приклеенной к костям, – до такой степени он был худой и иссохший. Он знаком сообщил о том, что намерен говорить, и тотчас же воцарилась полная тишина, так как он был из числа тех, кого слушают и опасаются прерывать.

– Господа! – сказал он. – Наш высокопочтенный и достойный глубокого сожаления коллега господин Деларош в прошлом месяце умер в Суэзе, как раз в то время, когда намеревался отплыть в Индию на розыски в горах Гатес, у истоков Годавери, первой священной книги индусов, ранее появившейся, чем Веды, а именно Гурукарамты, которую туземцы, как утверждают многие, тщательно скрывают от глаз европейцев. Этот самоотверженный человек, воспоминание о котором вечно останется дорогим всем людям, преданным науке, перед смертью пожелал устроить так, чтобы предпринятое им дело было закончено успешно. С этой целью он завещал сто тысяч франков тому, кто возьмет на себя труд розыска этой прекрасной книги, существо-

вание которой, если верить тому, что утверждают брамины, не подлежит ни малейшему сомнению. Силою своего завещания он утверждает нашу достославную академию исполнительницей своего завещания и просит нас, чтобы мы сами избрали того, кто должен заменить покойного. Выбор этот, впрочем, несколько затруднителен во многих отношениях, так как путешественник, которого вы пошлете в Индию, должен обладать крепким организмом, способным выдержать неблагоприятный климат, и, кроме того, должен быть смел и храбр, чтобы противостоять зубам тигра, хоботу слона и западне индусских разбойников. Мало того, он должен быть хитер, чтобы обмануть зависть англичан, потому что Королевское общество, отделение которого находится в Калькутте, не имело успеха в своих поисках, оказавшихся вполне тщетными, и, конечно, не захочет допустить, чтобы честь открытия и приобретения священной книги досталась французу. Кроме того, необходимо, чтобы лицо, которое будет вами послано, знало санскритский язык и все народные или священные языки Индии. Таким образом, это весьма нелегкое дело, и потому я предлагаю академии назначить по этому предмету конкурс.

Конкурс был тотчас же назначен, и все разошлись, спеша пообедать.

Конкурентов явилась целая толпа, и все усердно добивались избрания их академией. Но один был слабой комплекции, другой весьма несведущ, третий из восточных языков знал только китайский и туркменский языки. Словом, прошло несколько месяцев, но все же академии не удалось избрать подходящее лицо.

Наконец 26 мая 1857 года во время заседания академии президенту подали визитную карточку господина, желавшего быть тотчас же допущенным в залу заседания.

На этой карточке значилось: «Капитан Коркоран».

– Коркоран! – произнес президент. – Коркоран! Кто из вас, господа, знаком с этим человеком?

Оказалось, что никто о нем понятия не имел. Но собрание отличалось, как и всякое собрание, любопытством и пожелало увидеть незнакомца.

Дверь отворилась, и появился капитан Коркоран.

Это был молодой человек высокого роста, не более двадцати пяти лет, державшийся просто, не скромничая, но и без тени горделивости. Лицо его было белое и безбородое. В глазах его цвета морской воды ясно выражались прямота и отвага. На нем было пальто из альпака, красная сорочка и белые панталоны. Оба конца его галстука, завязанные «a la colin», небрежно откидывались на груди его.

– Господа! – сказал он. – Я узнал, что вы в затруднении, и явился предложить вам свои услуги.

– В затруднении? – прервал его высокомерным тоном председатель. – Вы заблуждаетесь, милостивый государь! Лионская академия наук, равно как и всякая другая академия, никогда не бывает в затруднении. Мне хотелось бы знать, что может затруднять ученое общество, числящее среди своих членов, смело решаюсь это сказать, – конечно, умалчивая о тех, кто имеет честь состоять президентом этого общества, – столько высокодаровитых людей, столько прекрасных душ и благородных сердец!..

Оратор был прерван троекратными взрывами аплодисментов.

– Если это так и вы ни в ком не нуждаетесь, в таком случае имею честь откланяться, – возразил Коркоран, повернувшись влево и направляясь к двери.

Однако председатель поспешил сказать:

– О сударь! Вы слишком горячи. По крайней мере, скажите нам что-либо по поводу вашего посещения.

На это Коркоран отвечал:

– Вы разыскиваете Гурукарамту? Не так ли?

Президент, улыбнувшись несколько иронически и в то же время благосклонно, ответил:

– И вы, милостивый государь, желаете найти это сокровище?

– Да, это так.

– Вам известны условия завещания господина Делароша, нашего ученого и оплакиваемого коллеги?

– Да, они мне известны.

– Вы говорите по-английски?

– Как оксфордский профессор!

– И тотчас можете представить этому доказательства?

– Yes, sir, – ответил Коркоран. – You are a stupid fellow¹. Не угодно ли вам еще каких-либо доказательств моих познаний?

– Нет, нет! – поспешил ответить президент, во всю жизнь не слышавший языка Шекспира, за исключением того, что он слышал в театре «Пале-Рояль». – Все это прекрасно, милостивый государь... Но я полагаю, что вы знаете также санскритский язык.

– Не мог ли бы кто-либо из вас, господа, быть настолько любезным дать мне какой-либо томик Багаваты Турана? Я буду иметь честь разъяснить вам ее, держа перед собой книгу.

– Вот как? – сказал президент. – Ну а другие индусские наречия вы знаете?

Коркоран, пожав плечами, возразил:

– Да это шуточное дело, детская забава, и не более!..

Тотчас же, нисколько не колеблясь, он на неизвестном академикам языке произнес речь, длившуюся десять минут. Все присутствующие смотрели на него с изумлением, а он, окончив речь, сказал:

– Знаете ли вы, господа, о чем я имел честь вам говорить?

– Клянусь планетой, открытой господином Лавуазье, что я ни полслова из нее не понял! – отвечал президент.

– Это было на индусском языке. Так говорят в Кашмире, в Непале, в Лагорском королевстве, в Аультане, Ауде, Бенгалии, Деккане, Карнате, Аалабаре, Гандуне, Траванкоре, Коимбатуре, в Аессуре, в стране Сейхове, в Синдии, Джейпуре, Одеппуре, Джессельмире, Биканине, Бароде, Бажваре, Ноанагаре, Голкаре, Бопале, Байтпуре, Долтуре, Сатарахе и по всему Коромандельскому берегу.

– Превосходно, сударь! Превосходно! – воскликнул президент. – Нам остается только предложить вам еще один вопрос. Простите за нескромность: мы обременены завещанием нашего покойного оплакиваемого друга такой тяжелой обязанностью, что по неволе...

– Прекрасно! – прервал его Коркоран. – Только говорите свободно, коротко, потому что меня ожидает Луизон.

– Луизон? – со строгим достоинством спросил президент. – Кто же такая эта молодая особа?

– Это подруга, сопутствующая мне во всех моих путешествиях.

При этих словах послышался шум быстрых шагов в соседней комнате, и вслед за тем кто-то с шумом запер дверь.

– Это что такое? – спросил президент.

– Да это Луизон приходит в нетерпение.

– Ну что же, пусть ждет! Я полагаю, наша академия не может подчиняться мадемуазель или мадам Луизон!

– Как вам угодно! – отвечал Коркоран, взяв кресло и покойно усевшись на него, так как ранее никто не догадался предложить ему сесть, и приготовился выслушать требования президента.

Однако ученый человек находился в большом затруднении, не зная, с чего начать свою речь, а это произошло, потому что забыли поставить перед ним стакан воды с сахаром, между

¹ Да, сэр, вы глупец (англ.).

тем всем известно, что вода и сахар – два неразлучных источника красноречия. Для исправления этой непростительной забывчивости он дернул шнурок колокольчика.

Однако никто не появлялся.

– Этот служитель чересчур небрежен, необходимо его уволить! – сказал президент и после этого позвонил еще два, три, четыре, пять раз, но все это оказалось бесполезным.

– Милостивый государь! – сказал Коркоран, сжалившись над его треволнением. – Перестаньте звонить. Этот служитель, наверное, поссорился с Луизон и убежал из зала.

– С Луизон! – воскликнул президент. – Следовательно, у этой молодой особы очень нехороший характер?

– Нет! Нельзя сказать, чтобы был дурной характер. Но надо уметь с ней обходиться. Вероятно, он грубо к ней отнесся, а она так молода, что тотчас же вспылила.

– Так молода? Сколько же лет мадемуазель Луизон?

– Самое большее – это пять лет.

– О! В таком возрасте с детьми легко управиться!

– Не думаю! Она иногда царапается, даже кусается...

– Но в таком случае, сударь, необходимо перенести ее в другой зал! – сказал президент.

– Это очень трудно! – возразил Коркоран. – Луизон чрезвычайно своенравна. Она не привыкла к каким-либо противодействиям. Родилась она под тропиками, и этот жгучий климат еще более усилил пламенность ее темперамента...

– Однако, – сказал президент, – мы уже достаточно поговорили о мадемуазель Луизон. В академии имеются более важные дела. Я возвращаюсь к вопросам, которые я намеревался вам предложить. Вы сильной комплекции?

– Полагаю, что весьма сильной. Два раза я заболел холерой и однажды испытал, что такое желтая лихорадка, а между тем, как видите, остался цел и невредим. У меня целы все тридцать два зуба, а что касается моих волос, прикоснитесь к ним, чтобы убедиться, что это не парик.

– Прекрасно! А силой вы обладаете?

– Как вам сказать? Немного менее, чем мой покойный отец, но все же достаточно для ежедневного обихода.

Говоря это, он, осмотревшись кругом себя, подошел к окну, в котором были толстые железные пруты, и, выдернув без всякого труда один из них, согнул как палочку сургуча, нагретую на огне.

– Черт возьми! Вот силач! – вскричал один из академиков.

– Это пустое! – спокойно возразил Коркоран. – Но если вы мне укажете тридцатишестидюймовую пушку, я охотно соглашусь донести ее до вершины горы Фурвиер.

Восхищение присутствующих начинало принимать оттенок ужаса.

– Я полагаю, вам случалось участвовать в перестрелке? – спросил президент.

– Да! Более двенадцати раз. В морях Китая и Борнео, как вам, вероятно, известно, капитан торгового судна всегда вынужден иметь на палубе несколько орудий для защиты от пиратов.

– И вам приходилось их убивать?

– Защищаясь, я вынужден был убить по крайней мере от двухсот до трехсот человек. О! Конечно, я не один участвовал в этой работе, и на мою долю пришлось не более двадцати пяти или тридцати человек, а все остальное произведено было моими матросами.

В этот момент заседание было прервано, так как в соседней зале раздался шум нескольких опрокинутых стульев.

– Это невыносимо! – воскликнул президент. – Надо посмотреть, что там происходит.

– Я же вам говорил, что нельзя выводить из терпения Луизон! Согласны вы, чтобы я привел ее сюда и успокоил? Она не может жить без меня и не в силах переносить мое отсутствие.

– Сударь! – ответил ему несколько ядовито один из академиков. – Когда у вас имеется сопливое дитя, ему почаще вытирают нос; если оно дерзкое и крикливое, его укладывают в постель, но его не приводят в переднюю здания, в котором помещается ученое собрание.

– Вы не имеете надобности предложить мне еще какие-либо вопросы? – ответил, несколько не смущаясь, Коркоран.

– Извините, сударь, – возразил президент, укрепляя указательным пальцем правой руки золотые очки на переносице. – Как вам сказать... Вы храбры, сильны и крепкого, здорового сложения... это вполне очевидно... Вы ученый, и в этом вы нас убедили, бегло говоря по-индусски, языка которого мы совершенно не понимаем... Но вот в чем дело... как бы это выразить... достаточно ли вы хитры и ловки, чтобы путешествовать среди этих народностей, отличающихся коварством и жестокостью? Как бы ни было велико желание академии присудить вам приз, предоставленный нашим знаменитым другом Деларошем, как бы страстно ни стремилась академия разыскать знаменитую Гурукарамту, которую тщетно искали англичане по всему полуострову Индия, однако мы признаем делом совести подвергать опасности жизнь настолько драгоценную, как ваша...

– Хитер я или нет, это я не знаю, – прервал речь президента Коркоран. – Но я твердо знаю, что череп этот, череп бретонца из Сен-Мало, а эти кулаки тяжелее чугуна, револьвер мой отличной фабрики и мой шотландский кортик закален неподражаемо, и никогда в жизни я не видел, чтобы какое-либо живое существо осмелилось безнаказанно наложить на меня руку. Предоставляю трусам прибегать к хитростям. В роду Коркоранов каждый грудью прокладывает себе дорогу вперед.

– Однако что это опять поднялся такой ужасный шум? – сказал президент. – Надо полагать, что это опять мадемуазель Луизон забавляется? Пойдите, милостивый государь, успокойте ее или пригрозите ей розгами, потому что терпеть такое поведение нет возможности.

– Ici², Луизон, ici! – крикнул Коркоран, не вставая с кресла.

Едва раздался этот призыв, дверь растворилась с грохотом, точно взломанная тараном, и появилась королевская тигрица изумительной величины и красоты. Одним прыжком животное пролетело над головами академиков и спокойно улеглось у ног капитана Коркорана.

– Это еще что, моя дорогая Луизон? – сказал капитан. – Ты позволяешь себе шуметь в передней и всех беспокоишь! Это очень дурно! Лежи тут, и, если повторится что-либо подобное, я никогда не буду брать тебя с собой.

По-видимому, эта угроза страшно напугала Луизон.

² Сюда (фр.).

Глава II

Как Академия наук (в Лионе) познакомилась с Луизон

Но как бы ни сильно было волнение Луизон, вызванное угрозой Коркорана не посещать вместе с ней общество, наверное, это волнение было неизмеримо незначительнее волнения, охватившего всех членов знаменитой Лионской Академии наук. Если принять в соображение, что их обычной профессией было быть учеными, но не жонглирование с бенгальскими тиграми, тогда, конечно, вполне понятна их человеческая слабость.

Первой мелькнувшей у них мыслью было взглянуть в сторону двери и постараться проникнуть сквозь нее в соседний зал, откуда они рассчитывали добраться до передней, примыкающей к великолепной лестнице, выводящей на улицу.

Там им было бы уже нетрудно улепетнуть подальше, так как любой пехотинец, на спине которого нет ни амуниции, ни пищевого запаса, легко пройдет двенадцать километров в час. Так как самый отдаленно живущий от Академии академик должен был пробежать никак не более двух километров до цели, то есть до домашнего очага, следовательно, он имел много шансов в течение нескольких минут избегнуть общества Луизон.

Как ни много надо было времени, чтобы изобразить на бумаге эти соображения, но в действительности они были сделаны с такой великой быстротой и единодушием, что в мгновение ока все члены академии повскакивали с кресел и очутились у двери, намереваясь улепетнуть.

Даже сам президент, несмотря на то что при всяких обстоятельствах он должен был подавать пример рвения, и, хотя в этом случае он действительно выказал наивозможнейшее рвение, все-таки только девятнадцатым достиг двери, взломанной натиском Луизон.

Однако никто из них не решился переступить через порог двери. Луизон, которой пришлось не по нраву сидеть взаперти, угадав намерение господ академиков, тоже вздумала прогуляться и подышать воздухом.

В мгновение ока одним прыжком она пролетела вторично над головами академиков и очутилась как раз около господина несменяемого секретаря, спешившего выйти первым. Этот почтенный человек попятился на один шаг и с большой охотой попятился бы еще на сколько угодно шагов, если бы, к глубокому его сожалению, этому не послужили непреодолимым препятствием ноги находившихся позади его коллег.

Словом, когда увидели, что Луизон служит авангардом, все поспешили попятиться обратно, и несменяемый секретарь был освобожден, но только немного пострадал его парик.

Между тем Луизон, чрезвычайно довольная, прогуливалась по приемному залу крупной рысью, точно молодая борзая собака на охоте. Она поглядывала на академиков живыми и точно насмешливыми глазами и, по-видимому, выжидала приказаний капитана Коркорана.

Академия была в чрезвычайной нерешимости. Выйти не представлялось возможным из опасения капризов Луизон, а оставаться казалось еще менее надежным. Господа академики сбились в кучу в одном из углов зала и поставили кресло на кресло, образуя баррикаду.

Наконец президент, бывший мудрым человеком, как о том мы можем судить, основываясь на его речи, громко заявил мнение, что капитан Коркоран окажет большую честь и еще большее удовольствие всем присутствующим членам почтенного собрания, если согласится убраться самым прямым и кратчайшим путем.

Несмотря на то что слово «убраться» далеко не было ни академическим, ни парламентским, Коркоран не обиделся, прекрасно зная, что бывают минуты, когда нет ни времени, ни возможности выбирать слова.

– Господа! – сказал он. – Я крайне сожалею, что...

– Бога ради, ни о чем не сожалейте, а только уходите скорее! Не знаю, что видит во мне ваша Луизон и почему она в меня так всматривается, но от ее взгляда у меня мороз подирает спину! – воскликнул несменяемый секретарь.

И действительно, Луизон оказывалась чрезвычайно заинтригованной. Дело в том, что впопыхах, в момент суеты, парик секретаря свалился на его правое плечо, так что череп оказывался совершенно обнаженным, и это доселе невиданное ею зрелище чрезвычайно изумляло Луизон.

Все это заметил Коркоран и, подав знак Луизон, направился к другой входной двери.

Однако эта дверь оказалась прочно забаррикадированной извне, и, к довершению несчастья, она была окована бронзой, так что даже сэр Коркоран не мог бы ее взломать. Между тем он сделал попытку и так сильно двинул дверь плечом, что задрожали стены и дверь и, казалось, весь дом дрожал. Он уже приготовился вторично ударить еще сильнее плечом, но был остановлен вовремя президентом, воскликнувшим:

– Это будет еще хуже, если вы обрушите дом на наши головы!

– Что же делать? – возразил капитан. – Ах! Я вижу одно средство... Мы с Луизон проберемся из окна...

Президент, почувствовав прилив великодушия, сказал:

– Капитан, остерегитесь! Во-первых, надо вырвать железные прутья решетки, но, что еще важнее, от окна до мостовой улицы более тридцати футов. Вы неизбежно свернете себе шею. Что касается вашего противного животного...

– Тсс!.. – отвечал Коркоран. – Не отзывайтесь дурно о Луизон. Она чрезвычайно обидчива и может рассердиться... Что касается решетки, это дело пустое...

И действительно, он тотчас же выдернул три железных прута без заметного усилия. Капитан сказал:

– Теперь дорога свободна!

По правде сказать, академия была в затруднительном положении: с одной стороны, опасность за жизнь Коркорана, а с другой – удовольствие распротиться с Луизон.

Коркоран сел на окно, намереваясь, придерживаясь за скульптурные изображения и выступы в стене, спуститься вниз на мостовую. Но вдруг президент снова его остановил, говоря:

– Конечно! Вам нужно вылезти первому, потому что Луизон никогда не захочет прыгнуть, если вы не подадите ей пример. Да! – продолжал президент. – А что, если, когда вы спуститесь, она не захочет спрыгнуть вслед за вами?

– Ах! А если небо упадет? В последний раз спрашиваю вас: спускаться или нет?

– Пусть прежде выскочит Луизон! – возразил президент.

– Пожалуй, вы имеете право это требовать! Но если я возьму Луизон за загривок и швырну ее через окно, Луизон, будучи очень капризной, не будет меня поджидать и вздумает бегать по улицам и, пожалуй, сожрет несколько человек ранее, чем я могу явиться им на помощь. Вам неизвестен аппетит Луизон, а между тем теперь как раз четыре часа, а она еще не ела свой ленч, хотя привыкла ежедневно есть его в час пополудни, совершенно так, как и королева Виктория. Ах, черт возьми! Вот беда, она сегодня не ела своего ленча! Ах, какая проклятая оплошность!

При слове «ленч» глаза Луизон заблестали от удовольствия. Она взглянула на одного из академиков, славного малого, здорового, толстенького, жирного, свежего и розоватого, причем раза три открывала челюсти и щелкала языком с видом удовлетворения. Но, по счастью, взглянув на академика, она тотчас посмотрела на Коркорана. Казалось, что она его спрашивала, не пришел ли надлежащий момент для ленча. Академик видел оба эти взгляда и смертельно побледнел.

– Итак, я остаюсь здесь... – сказал Коркоран. – А ты, моя красавица, – продолжал он, лаская Луизон, – веди себя скромно, спокойно. Если ты сегодня окажешься без ленча, то получишь его завтра! Нельзя же думать только о жратве!

Однако Луизон слегка зарычала.

– Молчать, мадемуазель! – воскликнул Коркоран, поднимая хлыст. – Молчать! А иначе вы будете иметь дело с Сифлантом.

Не знаю, что успокоило тигрицу! Речь ли капитана или вид хлыста Сифланта, но она легла плашмя на брюхо и терлась прелестной головой о ногу своего друга, мурлыча совершенно как кошка.

Наконец послышался голос президента, сказавшего:

– Господа, я приглашаю вас занять ваши места. Если двери заперты и забаррикадированы, так это, несомненно потому, что швейцар отправился искать помощь. Будем терпеливо ждать его возвращения и, если желаете, чтобы не терять попусту время, рассмотрим сейчас труд нашего ученого коллеги господина Кроше о происхождении и развитии маньчжурского языка...

– До того ли нам, чтобы заниматься маньчжурским языком, – заворчал один из академиков. – Я в эту минуту отдам и маньчжурский, тибетский и все родственные им языки за возможность погреть ноги у моего камина. Слыхано ли когда-либо о таком негодном швейцаре, как наш? Это прямой разбойник! Я изломаю на его плечах мою палку!

– Мне кажется, – заявил несменяемый секретарь, – почтенное собрание в настоящую минуту не может обладать спокойствием, необходимым для исследования научных вопросов, а потому будет гораздо удобнее отложить на следующий день дело о маньчжурском языке. Взамен этого не благоугодно ли будет капитану Коркорану разъяснить нам, в силу каких приключений мы в настоящее время находимся лицом к лицу с мадемуазель Луизон.

– Да! – подтвердил президент. – Ознакомьте нас с вашими приключениями и в особенности с историей вашей молодой приятельницы.

Коркоран, почтительно поклонившись, приступил к нижеследующему рассказу.

Глава III

О тигре, о крокодиле и о капитане Коркоране

– Быть может, господа, вы слышали о знаменитом Роберте Сюркуфе из Сен-Мало. Его отец был племянником зятя моего прадеда. Весьма знаменитый и весьма ученый Ивес Кватерквем, ныне член Парижского института, изобретший, как всем это известно, способ управления аэростатами, мой двоюродный брат. Мой дедушка Алан Коркоран, прозванный Барбаруссой, учился в школе одновременно с виконтом Франсуа де Шатобриан и имел честь двадцать третьего июня тысяча семьсот восемьдесят второго года ударить сжатым кулаком по глазу виконта, что произошло во время рекреации, между четырьмя и пятью часами пополудни. Вы видите, господа, что я хорошего происхождения и что Коркораны могут высоко держать голову, глядя прямо на солнце. О себе самом я не нахожу нужным много говорить. Скажу только, что я, кажется, родился с удочкой в руках. Я один плавал в баркасе моего отца в таком возрасте, когда другие дети только что начинают учиться азбуке. Когда мой отец погиб, спасая утопавшее рыбацье судно, я отплыл на корабле «Целомудренная Сюзанна» из Сен-Мало, отправившемся ловить китов в Беринговом проливе. После трехлетнего путешествия то к Северному, то к Южному полюсам я перешел с «Целомудренной Сюзанны» на «Прекрасную Эмилию», а оттуда на «Фейер Артабан», а с этого корабля на «Сына бури», замечательный бриг, делающий в течение часа восемнадцать узлов...

– Милостивый государь, – прервал капитана несменяемый секретарь, – вы нам обещали рассказать историю Луизон.

– Потерпите немного, я сейчас к этому приступлю... Но он был прерван отдаленным грохотом барабана.

– Это что значит? – с заметным беспокойством спросил президент.

– Я догадываюсь! – отвечал Коркоран. – Это испугавшийся и забаррикадировавший дверь швейцар отправился искать помощь... Вот так трус!..

– Черт возьми! – сказал один из академиков. – Он лучше бы сделал, если бы оставил двери открытыми, мне тогда не пришлось бы терять время, слушая историю Луизон.

– Внимание! – сказал капитан. – Дело принимает серьезный оборот. Звонят в набат.

Действительно, звон колокола раздался с ближайшей колокольни и подхвачен был всеми другими с быстротою пламени, раздуваемого ветром.

– Бомбы и картечь! – смеясь, воскликнул капитан. – Дело будет жаркое, моя бедняжка Луизон, по тому, что я предвижу, тебя намереваются осаждать, как крепость... Возвращаясь к моей истории, господа, я вам скажу, что в конце пятьдесят третьего года я построил корабль «Сын бури» в Сен-Назаре и на нем отвез в гавань Батавии около восьмисот бочек бордоского вина. Дело оказалось прибыльным. Довольный собою, ближними, Божественным Провидением и положением моих дел, я в один прекрасный день задумал доставить себе удовольствие, очень редко возможное в морских путешествиях, а именно поохотиться на тигра. Вам известно, господа, что тигр, впрочем представляющий собой одно из прекраснейших творений природы, – взгляните на Луизон, – по несчастью, получил в дар от неба необычайный аппетит. Он любит быка, гиппопотама, куропатку, зайца, но больше всего ему нравится обезьяна вследствие ее сходства с человеком; а человек ему нравится в силу его превосходства над обезьяной. Кроме того, тигр очень разборчив: он никогда не будет два раза сряду есть один и тот же кусок. Так, например, если бы Луизон сожрала, завтракая, плечо господина несменяемого секретаря, ничто бы ее не могло заставить попробовать другое плечо во время ее ленча. Она такая же лакомка, как епископская кошка.

Секретарь при этом сделал гримасу.

– Боже мой! – продолжал Коркоран. – Я прекрасно сознаю, что Луизон не права, так как одно плечо не хуже другого, но таков ее характер и его не переделаешь. Я отправился из Батавии с ружьем на плече и в высоких сапогах, как парижанин, отправившийся охотиться за зайцем в Сен-Дени. Господин Корнелиус ван Критенден, грузивший свои товары на мой корабль, хотел, чтобы меня сопровождали два малайца, которые должны были выследить тигра и дать себя сожрать вместо меня, если бы мне не удалось управиться с хищником. Но вы, господа, понимаете, что я Рене Коркоран, уроженец Сен-Мало, прадед которого был дядей отца Роберта Сюркуфа, только рассмеялся в ответ на предложение почтенного ван Критендена. Однако так как все-таки мне нужны были помощники для перевозки моей палатки и съестных припасов, то оба малайца меня сопровождали, сидя в телеге.

Прежде всего, в нескольких милях от Батавии я встретил глубокую реку, протекавшую по густому лесу, сплошь населенному обезьянами. Вот в таких дебрях встречаются львы, тигры, боа констриктор, пантеры и кайманы, самые свирепые из всех тварей, за исключением, конечно, человека, убивающего без всякой надобности и только ради удовольствия убить.

Как только наступил одиннадцатый час дня, жара стала до того невыносима, что даже малайцы, привыкшие к такому климату, просили пощады и улеглись в тени деревьев. Что касается меня, я улегся в телеге с ружьем в руках, так как опасался какой-либо неожиданности, и вскоре заснул глубоким сном.

Странное зрелище пришлось мне увидеть, пробудившись.

Река, на берегу которой я расположился лагерем, называлась Макинтош, по имени одного шотландца, приехавшего искать счастье в Батавии. Однажды, когда он плыл по ней в лодке с несколькими друзьями, порывом ветра сорвало с него шляпу, упавшую в руку. В тот момент, когда он протянул руку, чтобы схватить шляпу, и уже прикоснулся к ней, ужасная пасть схватила руку и потянула его на дно реки.

Пасть эта принадлежала еще не позавтракавшему кайману.

Погибшего Макинтоша долго искали, но все было тщетно. Однако само Провидение наказало убийцу.

Зрительная труба шотландца висела на груди его. Потому ли, что кайман был страшно обжорлив и не успел разглядеть, что он глотает, или по другой причине, но труба стала поперек горла пресмыкающегося, так что он не мог проглотить молодого человека, а также не мог подняться со дна на поверхность воды, чтобы дышать свободнее, и таким образом он издох благодаря обжорству. Несколькими днями позже каймана нашли на берегу вместе с мертвым Макинтошем, застрявшим в его пасти...

– Милостивый государь! – прервал Коркорана президент академии. – Мне кажется, что вы заметно уклоняетесь от предмета нашего желания. Вы нам обещали сообщить историю Луизон, но не историю зрительной трубы Макинтоша.

– Милостивый государь! – почтительным тоном отвечал капитан. – Я тотчас возвращусь к истории Луизон... Итак, было около двух часов пополудни, когда я внезапно был разбужен ужасными криками; я поднялся, подготовил ружье и терпеливо ждал появления неприятеля. Крики эти испускали мои малайцы, прибежавшие в сильном испуге и искавшие убежище в моей телеге.

«Господин, господин! – сказал один из них. – Вот уже приближается владыка! Берегитесь!...»

«Какой владыка?»

«Господин тигр!»

«Ну что же, тем лучше. Мне не придется его искать. Посмотрим на этого страшного владыку!»

Говоря это, я спрыгнул на землю и пошел навстречу неприятелю. Видеть его еще нельзя было, но его приближение угадывалось по страху и бегству всех других животных. Обезьяны

спешили влезть на деревья и с высоты этих обсерваторий делали ему гримасы, точно желая раздражить его. Некоторые, более смелые, даже бросали в него кокосовыми орехами. Что касается меня, я только мог угадать направление, по которому он шел, по шуму листьев, искомым его лапами. Мало-помалу этот шум приближался, и, так как дорога была настолько узка, что только одна телега могла проехать по ней, я начинал уже опасаться, что увижу тигра слишком поздно и не буду иметь достаточно времени для прицела, так как густота чащи леса его от меня совершенно скрывала.

По счастью, я тотчас догадался, что он уже прошел мимо, не видя меня, и что он попросту шел к реке, чувствуя жажду. Наконец я его увидел. Пасть его была окровавлена, вид его был совершенно довольный, с походкой, как у капиталиста, идущего после превосходного завтрака выкурить сигару на Итальянском бульваре. Так как он был в десяти шагах от меня, то, заслышав сухой треск взведенного мною курка, он казался немного обеспокоенным. Наполовину повернув голову, он посмотрел на меня сбоку и, заметив меня сквозь разделявший нас кустарник, остановился, точно размышляя.

Я не спускал с него глаз; но чтобы убить его одним ударом, надо было попасть в лоб или в сердце, а между тем он стоял вполборота, как знатный тигр, позволяющий снимать себя фотографу.

Так или иначе, но в этот день Божественное Провидение избавило меня от печального убийства, так как этот тигр или, вернее, эта тигрица, была не кем иным, как моей дорогой и прелестной подругой, этой кроткой Луизон, которую вы видите, слушающей нас внимательно, насторожив уши.

Луизон тогда, очевидно, хорошо позавтракала, это оказалось большим счастьем как для нее, так и для меня. Она думала только о том, чтобы покойно переварить пищу, и потому, поглядев на меня в течение нескольких секунд сбоку... вот поглядите, господа, вот именно так, как она в эту минуту смотрит на господина секретаря...

При этих словах секретарь встал и сел позади президента.

– Тигрица, – продолжал Коркоран, – медленно шла к реке, протекавшей в нескольких шагах от меня. Но вдруг я увидел изумительное зрелище. Луизон, шедшая до сего времени невозмутимо спокойно и величественно, вдруг остановилась и, вытянувшись во весь рост, припала брюхом к земле и продвигалась вперед чрезвычайно медленно и осторожно, чтобы никто ее не видел и не слышал, около длинного и толстого ствола дерева, лежавшего на песке на берегу Макинтоша.

Я шел позади нее, готовясь выстрелить при первом благоприятном моменте. Но я был крайне изумлен, подойдя к этому стволу дерева, так как увидел, что оно обладало лапами и покрыто было чешуей, блестящей под лучами солнца; глаза были закрыты, а пасть полуоткрыта.

Это был крокодил, спавший на песке под горячими лучами солнца сном праведника. Он спокойно похрапывал, как храпят крокодилы, не имеющие на совести какого-либо недоброго дела.

Этот сон, эта поза, полная грации и неги, и не знаю что еще, по всей вероятности, ввели Луизон в искушение. Я видел, как раздвинулись и шевелились ее губы; она смеялась, как шалун-школьник, намеревающийся ловко подшутить над своим школьным учителем. Она осторожно и тихо засунула всю лапу в пасть крокодила, пытаясь вырвать язык этого сони и полакомиться им в виде десерта, так как Луизон была отъявленной лакомкой, а это порок ее пола и ее возраста.

Но она очень строго была наказана за свое злобное намерение.

Не успела она прикоснуться к языку крокодила, как пасть его сомкнулась. Он открыл глаза, большие глаза зеленого цвета морской воды... Я и теперь вижу эти глаза как бы перед собою... Он поглядел на Луизон с выражением изумления, гнева и боли, описать которое

невозможно. Со своей стороны, Луизон было не до шуток. Дорогая моя бедняжка яростно пыталась выдернуть лапу из острых зубов крокодила. По счастью, она так сильно впивалась когтями в его язык, что несчастный не имел возможности напрягать все силы и отрезать ее лапу, что он мог сделать без всякого труда, будь свободен язык.

До сих пор бой был равен, и я не знал, кому из двух противников желать успеха, потому что, во всяком случае, поступок Луизон был предосудителен и ее шутка была крайне неприятна ее противнику. Но дело в том, что Луизон была так прелестна! Она была полна грации, члены ее тела были так изумительно гибки, движения так красивы и разнообразны! Она похожа была на молодую кошечку, играющую на солнце под надзором матери!

Но, увы! Не до игры было ей, мечущейся по песку, испуская яростное рычание, разносившееся далеко в пустом лесу. Обезьяны, в полной безопасности рассеявшиеся на ветвях кокосовых деревьев, смеясь, любовались этой отчаянной битвой. Бабуины, показывая Луизон макакам, делали ей, положа мизинец на нос и распутив при этом все остальные пальцы, насмешливое движение рукою точно парижские гамены³. Один из них, очевидно гораздо смелее прочих, даже спустился с ветки на ветку на расстояние шести футов от земли и там, ухватившись хвостом за ветку, осмелился концами когтей слегка царапать морду опасной тигрицы. Увидев эту шутку, все бабуины громко захохотали, но Луизон сделала по направлению шутника такое быстрое и угрожающее движение, что молодой бабуин живо убрался и, признавая себя счастливым, избежав ее зубов, не осмелился более повторить свою шутку.

Между тем крокодил тащил несчастную тигрицу в реку. Она подняла глаза к небу, точно умоляя его о помощи, а быть может, для того, чтобы оно было свидетельницей ее мучений, и вдруг случайно встретилась с моим взглядом.

Какие чудные глаза! Какой печальный и кроткий взгляд, в котором выражались предсмертные страдания! Бедная Луизон!

В этот момент крокодил погрузился в воду, желая увлечь на дно тигрицу. При виде этого я принял твердое решение. Пенящаяся, клокотавшая вода доказывала усилия Луизон вырваться из зубов крокодила. Я ждал в течение полуминуты, не спуская глаз, и, взяв ружье на прицел, готовился спустить курок.

По счастью, Луизон, хотя и животное, но весьма умное, догадалась схватиться за ствол дерева, склонившегося над рекой, и эта предосторожность спасла ей жизнь. Выбиваясь, ей удалось высвободить голову, поднять ее из воды и вследствие этого избежать задохнуться в воде. Мало-помалу сам крокодил почувствовал потребность дышать воздухом, а потому отчасти добровольно, отчасти насильно вылез из воды на берег.

Я только этого и ждал. В мгновение ока участь его была решена. Прицелиться в него, выстрелить из ружья прямо в левый глаз и раздробить ему череп было делом двух секунд. Несчастный открыл пасть, желая застонать; вслед за тем забил по песку всеми четырьмя лапами и тотчас издох.

Со своей стороны, тигрица, еще быстрее, чем я заметил, уже успела вынуть свою наполовину разорванную лапу из пасти врага.

Сказать по правде, первое ее движение не выражало доверия или благодарности. Быть может, она полагала, что я для нее враг опаснее крокодила. Прежде всего, она попыталась бежать; но бедное животное, владея только тремя ногами и с изувеченной четвертой, двигалось так, что протащило только десять шагов. Сознаюсь вам, что я уже чувствовал себя сильно к ней расположенным. Прежде всего, я оказал ей большую услугу, а ведь вам известно, что привязываешься к друзьям гораздо более в силу оказываемых им услуг, нежели в силу тех, которые от них получаешь. Кроме того, она казалась мне очень хорошего характера, потому что даже та шутка, которую она задумала проделать с крокодилом, выказывает жизнерадостность,

³ Гамен – уличный мальчишка.

а вам известно, господа, что радость, веселье, если только они искренни, нелицемерны, служат признаками доброго сердца и чистой совести.

Наконец, я был одинок, в чужой стране, в пяти тысячах лье от Сен-Мало, без друзей, без родных, без семьи. Мне казалось, что общество подруги, обязанной мне сохранением своей жизни, хотя у этой подруги были и четыре ноги, страшные когти и ужасные зубы, все-таки лучше, чем полное одиночество.

Был ли я не прав? Нет, господа! Последствия доказали, что я был вполне прав.

Когда я подходил к ней, увидел, что она, не будучи в состоянии держаться на трех ногах, легла на спину и с видимым отчаянием поджидала моего нападения. Она испускала глухое рычание, свойственное ей, когда она приходит в ярость, скрежетала зубами, показывала мне когти и, по-видимому, готовилась растерзать меня или, по крайней мере, дорого продать свою жизнь.

Но я умею приручить самые свирепые существа. Приблизившись к ней медленно и самым спокойным видом, положив ружье поблизости от себя на песок, я наклонился над тигрицей и тихонько поглаживал ее голову, точно голову ребенка. Сначала она взглянула на меня искоса, точно вопрошая меня, но, убедившись, что намерения мои дружелюбные, легла на живот, тихонько лизнула мою руку и с грустным видом протянула мне пораненную лапу. В свою очередь я понял всю цену этого выражения доверия и тщательно осмотрел ногу. Все кости были целы. Даже зубы крокодила впились не очень глубоко, вследствие того что Луизон сильно сжала его язык. Я ограничился тем, что, тщательно промыв рану, вынул из патронташа флакон с щелочью, налил на рану несколько капель и затем подал Луизон знак следовать за мной. Из благодарности ли или из желания лечить рану она последовала за мной к телеге, где сопровождавшие меня малайцы чуть не умерли от страха, увидев ее. Они выскочили из телеги, отбежав в сторону, и ни за что в мире не соглашались подступить ближе.

На следующий день мы возвратились в Батавию, где Корнелиус ван Критенден был весьма изумлен, увидев меня сопровождаемым моей новой подругой, которой я тотчас дал имя Луизон. Она ходила за мной по улицам, точно молодая собака.

Через восемь дней после того я снялся с якоря, увозя с собою мою тигрицу, никогда со мною не разлучавшуюся. Однажды ночью вблизи острова Борнео она спасла мне жизнь. Мой бриг был застигнут полным штилем в трех лье от острова. Около полуночи, так как вся моя команда, состоявшая всего из двенадцати человек, уже спала, сотня пиратов внезапно проникла на палубу моего корабля, убив и бросив в воду стоявшего у руля сторожевого матроса. Это убийство произошло без малейшего шума и так быстро, что никто не мог броситься на защиту несчастного. Тотчас после того пираты бросились к двери моей каюты, намереваясь взломать ее. Но Луизон спала внутри каюты, около моей кровати. Шум разбудил ее, и она начала грозно рычать. Через две секунды я уже был на ногах с револьвером в каждой руке и держа в зубах абордажный топор. В тот же момент пираты, взломав дверь, ворвались в мою каюту. Первый приблизившийся пал с раздробленной выстрелом головой; за ним был убит другой. Третьего задушила Луизон. Я раскроил ударом топора череп четвертому и выскочил на палубу, сзывая своих матросов. В это время Луизон совершила чудеса. Одним прыжком она свалила на пол трех малайцев, погнавшихся за мной. Вслед за тем одним прыжком она влетела в кучу малайцев и работала с быстротою молнии. В две минуты она растерзала шесть пиратов. Несмотря на то что она много потеряла крови от трех ран, Луизон продолжала сражаться столь же яростно и прикрывала меня своим телом.

Наконец появились мои матросы, вооруженные револьверами и толстыми полосами железа. С этого момента участь пиратов была решена. Моментально двадцать пиратов были сброшены в реку. Остальные сами бросились в воду, спеша вплавь добраться до своих баркасов.

Оказалось, что мы потеряли всего одного человека, именно рулевого. Можете себе представить, как я ухаживал за Луизон и с какой заботливостью перевязывал ее раны. После этой ночи, когда она заплатила мне долг свой, дружба наша была не на жизнь, а на смерть и мы никогда не разлучались, а потому, господа, прошу извинить меня, что я осмелился привести ее сюда. Я оставил ее в передней, но швейцар, вероятно, увидев ее, испугался, запер двери и распорядился бить в набат, призывая на помощь.

– Все это, милостивый государь, – сказал президент спокойно, – не оправдывает вас, так как по вашей вине или по вине мадемуазель Луизон и швейцара нам пришлось провести так много времени в обществе свирепого животного, причем наш обед остыл...

При этих словах господин президент Академии наук и города Лиона был прерван необычайным шумом. Послышался бой барабанов, и все академики смотрели в окна.

– Да будет благословен Бог! – воскликнул несменяемый секретарь. – Явилась военная сила, и мы близки к освобождению.

Действительно, три тысячи человек переполнили площадь и смежные улицы. Отряд пехоты находился в авангарде и, стоя против академии, заряжал ружья.

Вдруг комиссар полиции, опоясанный трехцветным шарфом, выступил вперед и, сделав знак барабанам замолкнуть, сказал громким голосом:

– Во имя закона, сдайтесь!

– Господин комиссар! – закричал президент из окна. – Речь идет не о сдаче, а о том, чтобы были открыты двери.

Тогда комиссар подал знак слесарям, которых он захватил с собою из предосторожности, узнав, что швейцар академии всякими способами забаррикадировал двери. Когда это приказание было выполнено, офицер, командовавший отрядом, крикнул:

– Ружья наготове!

Он приготовился расстрелять Луизон, как только она появится.

– Господа! – сказал Коркоран академикам. – Теперь вы можете выйти отсюда. Когда вы будете в безопасности, я выйду вместе с Луизон, так что вам нет оснований чего-либо опасаться.

– Будьте в особенности осторожны, капитан! – сказал президент, пожимая Коркорану руку и прощаясь с ним.

Академики поспешно ушли. Луизон изумленно на них поглядывала и, по-видимому, готова была броситься им вслед, но вовремя была сдержана Коркораном.

Как только они остались вдвоем, капитан подал знак тигрице войти обратно в зал заседаний, а сам подошел к крыльцу, чтобы поговорить с комиссаром.

– Господин комиссар, – сказал он, – я тотчас тихо и спокойно уведу отсюда мою тигрицу, если мне пообещают не сделать ей ни малейшего зла. Обещаю вам тотчас отправиться с ней прямо на мой пароход, находящийся у берега Роны, и обязываюсь запереть ее там в моей каюте, так что она никого не беспокоит и никого не испугает.

– Нет, нет! Тигра надо убить! – вопила толпа, радовавшаяся при мысли увидеть охоту на тигра.

– Отстранитесь, сударь, в сторону! – крикнул комиссар Коркорану.

Капитан снова попытался уговорить оставить в покое тигрицу, но не мог убедить непреклонного представителя власти.

Тогда он решил на другое средство. Он наклонился над Луизон и нежно ее обнял. Можно было подумать, что он что-то шептал ей на ухо.

– Когда же вы покончите со всеми этими нежностями? – спросил офицер.

Коркоран, поглядев на него весьма враждебным и не предвещавшим ничего доброго взором, ответил:

– Я готов; но прошу вас не стрелять, пока я не выйду отсюда и не буду вне выстрелов. Я не желаю видеть, как на моих глазах злодейски убьют единственную мою подругу.

Просьбу его нашли заслуживающей уважения, и некоторые даже начали сочувственно относиться к Луизон. Коркоран, таким образом, спокойно сошел вниз по лестнице на улицу. Луизон, притаившись за дверью залы, видела, как он ушел, но не высовывала головы, по-видимому догадываясь об угрожавшей ей опасности. Прошел момент мучительного, ужасного ожидания.

Вдруг Коркоран, уже миновавший отряд солдат и бывший позади него, очень быстро и внезапно повернувшись, громко крикнул:

– Луизон! Луизон!

Услышав этот возглас, услышав этот призыв, тигрица моментально и одним прыжком очутилась на улице.

Прежде чем офицер опомнился и отдал приказание стрелять, Луизон другим изумительно быстрым и ловким прыжком перескочила через головы солдат и быстрыми шагами пошла вслед за Коркораном.

– Стреляйте! Стреляйте же! – завопила испуганная толпа.

Но офицер стрелять не позволил, так как, чтобы попасть в тигрицу, солдатам пришлось бы ранить и даже убить очень многих в толпе. Благодаря этому счастливому обстоятельству удовлетволялись тем, что шли вслед за Коркораном и Луизон до самой гавани, где оба они тотчас же переправились на пароход, согласно обещанию, данному капитаном.

На другой день капитан прибыл в Марсель и там стал поджидать инструкций Лионской академии наук. Эти инструкции, отредактированные самим несменяемым секретарем, вполне заслуживали бы, чтобы их сохранили для самого отдаленного потомства, но по несчастной случайности они были впоследствии брошены капитаном Коркораном в огонь, так что мы вынуждены с содержанием их ознакомиться из рассказа о подвигах знаменитого уроженца города Сен-Мало. Впрочем, достаточно будет упомянуть, что эти инструкции вполне достойны были как ученой академии, пославшей их, так и знаменитого путешественника, для которого они предназначались.

Глава IV Встреча с Голькаром

*Лорд Генри Брэддок,
генерал-губернатор Индостана, —
полковнику Баркли, резиденту,
пребывающему при особе Гольнара,
государя мараттов в Бхагавапуре на реке Нербуде*

«Калькутта, 1 января 1857 г.

Отовсюду мне сообщают, что нечто против нас готовится и что заметили какие-то таинственные сношения между туземцами в Лукнове, Патне, Бенаресе, Деми, у раджпутов и даже сикхов.

Если вспыхнет какое-либо восстание и распространится в стране мараттов, вся Индия будет им охвачена в течение трех недель. Избегнуть такого положения дела необходимо во что бы то ни стало.

Следовательно, тотчас по получении сего Вы озаботитесь обязать Голькара под каким-либо предлогом обезоружить его крепости и передать в наши руки его пушки, ружья, снаряды и драгоценности. Таким образом, он окажется не в состоянии вредить нам, а его сокровища нам послужат залогом того, чтобы он, несмотря на все принятые нами предосторожности, не вздумал совершить какую-либо отчаянную попытку. Кстати, теперь сундуки компании пустеют, и это денежное подкрепление будет весьма полезно.

Если он откажется выполнить требуемое, это будет служить доказательством дурных намерений с его стороны, и в этом случае он не заслуживает никакого снисхождения. Тогда Вы тотчас должны принять командование 13-м, 15-м и 31-м европейскими пехотными полками, которые будут Вам переданы губернатором Бомбея сэром Вильямом Эксвелом вместе с четырьмя или пятью полками туземной кавалерии и пехоты сипаев. Вы должны произвести осаду Бхагавапура, и, какие бы условия он Вам ни предлагал, надо соблюдать полную осторожность. Самое лучшее, если бы он погиб при осаде крепости подобно Типпо-сагибу, потому что Индийская компания имеет чересчур много беспокойных вассалов и мы будем избавлены от необходимости выдавать пенсию людям, которые вечно будут нас ненавидеть.

Впрочем, я полагаюсь на Ваше благоразумие и осторожность, но только не теряйте времени, поспешите, потому что начинают опасаться взрыва и необходимо заблаговременно отнять у восставших как предводителей, так и оружие.

Генерал-губернатор Брэддок».

*Английский резидент полковник Баркли —
государю мараттов Голькару*

«Бхагавапур, 18 января 1857 г.

Нижеподписавшийся признает своею обязанностью сообщить Его Высочеству государю Голькару, что до сведения его дошло, что Вы изволили приказать дать пятьдесят палочных ударов Вашему первому министру Рао,

хотя никакой известный мне поступок последнего не мог представить оснований для такого жестокого обращения.

Вместе с тем нижеподписавшийся долгом признает предупредить Ваше Высочество, что, как нам известно, несколько раз телеги, тяжело нагруженные, ночью прибыли в Бхагавапур и что по многим приметам, о которых я не нахожу нужным распространяться, эти телеги были нагружены оружием, снарядами и провиантом, что противно договорам и может только вызвать вполне справедливые подозрения высокопоставленной и высокомогущей Индийской компании.

В силу этого, получив соответствующие приказания от господина генерал-губернатора, я, нижеподписавшийся, нисколько не позволяя себе нарушать власть государя Голькара, против которой, однако же, восстает вся страна, повторяю я, согласен смотреть сквозь пальцы на сношения, быть может чрезмерно преданные, и, чтобы предоставить государю Голькару выдающийся случай оправдаться, мы на этот раз удовольствуемся тем, что попросим Ваше Высочество передать нам ваше оружие, пушки, ружья, и лично принадлежащие вам сокровища в руки нижеподписавшегося, обязывающегося отослать их в Калькутту, где главноуправление будет хранить все переданное до тех пор, пока удостоверится в невиновности государя Голькара.

Кроме того, государь Голькар приглашается передать в руки нижеподписавшегося свою единственную дочь Ситу, которая будет препровождена в Калькутту в сопровождении многочисленной свиты и которой будут оказаны все почести, должные ее высокому положению.

При выполнении этого предложения Ваше Высочество навсегда сохраните покровительство и благорасположение высокопоставленной и высокомогущей Индийской компании.

Полковник Баркли».

Государь Голькар – резиденту полковнику Баркли

«Нижеподписавшийся признает долгом пригласить полковника Баркли немедленно покинуть Бхагавапур, так как в противном случае ему будет отрублена голова по истечении двадцати четырех часов по получении им этого приказания».

Государь мараттов Голькар».

*Полковник Баркли —
генерал-губернатору лорду Генри Брэддоку*

«Милорд!

Имею честь препроводить Вашему Превосходительству копии как письма, посланного мною согласно вашим инструкциям принцу Голькару, так и ответа последнего.

Я тотчас же отправлюсь в Бомбей, где согласно приказаниям Вашего Превосходительства приму начальствование над корпусом, предназначенным для вразумления Голькара.

Примите, милорд, выражение моего глубокого уважения.

Полковник Баркли».

Итак, ровно шесть недель после обмена этими письмами, которые только что были нами приведены выше, Голькар сидел глубоко задумавшись на персидском ковре, на вершине самой высокой башни своего дворца на берегу Нербуды и грустно смотрел на высокие вершины гор Виндхил, современных Брахме. Около него сидела его единственная дочь, красавица Сита, пытавшаяся прочесть в глазах отца все обуревавшие его мысли.

Голькар был благородный старец чистой индусской расы и потомком тех государей мараттов, которые оспаривали у англичан господство над всей Индией.

Как изумительное редкое исключение, его предки избегли покорения персами и монголами и твердо хранили, защищенные своими горами, веру в Брахму. Сам Голькар гордился своим прямым происхождением от знаменитого Рамы, самого могущественного из всех героев и победителя Раваны. В честь этого славного происхождения он дал своей дочери имя Сита.

В былое время он сражался с англичанами. Отец его был убит, сражаясь, а он, будучи еще очень молодым, остался наследником государства при условии уплаты дани. В течение тридцати лет он постоянно надеялся, что наступит день, когда ему возможно будет отомстить англичанам, но борода его стала совсем седая, оба сына умерли, не оставив потомства, и теперь уже он не думал об отмщении, а желал только жить в мире и спокойствии и оставить свое государство в наследство единственной своей дочери, красавице Сите. Было уже ровно пять часов вечера, и ни малейшего шума не слышалось в Бхагавапуре, столице Голькара. Часовые стояли на своих постах, устремив глаза на горизонт; солдаты, присев на корточки, безмолвно играли в шахматы. Несколько офицеров верхом на лошадях с длинными саблями, разъезжали по городу, наблюдая за порядком. Когда они проезжали мимо, все безмолвно преклонялись перед ними. Смертельная печаль овладела, по-видимому, всей столицей. Сам Голькар казался подавленным. Он видел и чувствовал приближение бури. Давно уже ему стало известно, что англичане намереваются ограбить его, и он приходил в отчаяние относительно участи своей дочери. Сам лично, подчиняясь вполне воле Брахмы, он ко всему готовился покорно, готовый возвратиться в великое бытие и найти там «вечную сущность», но ему была невыносима мысль оставить Ситу без всякой защиты и опоры.

– Да будет воля Брахмы? – проговорил наконец Голькар как бы в ответ на мучившие его мысли.

– Отец! – сказала прекрасная Сита. – О чем вы размышляли?

Тщетно бы искали от самого мыса Коморин и до Гималайских гор молодую девушку прелестнее Ситы. Она была стройна, как пальма, и глаза ее были, как цветок лотоса. Кроме того, ей было пятнадцать лет – возраст, в котором в Индии женщина достигает полного развития красоты.

– Я проклинал, – отвечал Голькар, – день, когда я увидел тебя родившейся, ты – радость очей моих, моя последняя любовь на земле; я размышлял о том, что мне придется умереть, оставив тебя в руках этих рыжих варваров!

– Но неужели вы потеряли надежду одержать победу? – спросила Сита.

– Если бы я даже имел эту надежду, неужели ты полагаешь, что я в силах был бы внушить ее моим солдатам? Самый вид этих нечистых людей, пожирающих священную корову и обжираться сырым мясом и кровью, преисполняет ужасом наших браминов. Ах! Зачем я не умер вместе с моим последним сыном? Мне бы не пришлось тогда видеть разрушение всего того, что мне так дорого!

– Вы забываете обо мне, отец! – сказала Сита, обвивая руками его шею.

– Нет! Я не забываю о тебе, дорогая дочь моя, но всего опасюсь за тебя; относительно братьев я опасался только смерти их... Сегодня я получил извещение, что полковник Баркли движется с армией по долине Нербуды. Теперь он в семи милях отсюда, то есть в двухдневном переходе, так как это грузное племя тащит за собою такое множество животных, фуража, повозок, пушек и всякого рода снарядов, что никогда не может пройти более трех миль в тече-

ние дня. По несчастью, я не могу отважиться сражаться с ними где-либо в долине у берегов Нербуды, потому что недостаточно уверен в моей армии. Я подозреваю этого гнусного Рао в намерении предать меня. Если только у меня окажутся на это доказательства, этот презренный человек дорого заплатит за измену!.. Но... что это за пароход там, у поворота реки?.. – сказал Голькар, смотря на горизонт в зрительную трубу. – Неужели же это авангард Баркли?

В тот же момент загремел пушечный выстрел: это стреляли из крепости, чтобы дать знать пароходу о необходимости остановиться. Ядро пролетело над пароходом и, шипя, упало в воду. После этого сигнала капитан парохода поднял трехцветный флаг и стал приближаться, не отвечая на выстрел, к берегу. Изумленные индусы все-таки не мешали его маневрам, и капитан Коркоран, так как это был не кто иной, как он, вышел на берег и с решительным видом приближался к воротам форта. Сержант и несколько солдат хотели преградить ему дорогу и скрестили штыки, но Коркоран, ничего не отвечая на их вопросы и угрозы, хотя отлично понимал язык, на котором они говорили, медленно повернулся и поднес к губам свисток, висевший у него у пояса. Раздался резкий свист, заставивший вздрогнуть всех присутствующих. Но это содрогание обратилось уже в ужас, когда великолепная тигрица появилась на палубе парохода и ответила на свист ужасным мурлыканьем.

– Ісі, Луизон! – крикнул Коркоран, свистнув еще раз.

После этого вторичного призыва Луизон прыгнула с палубы парохода и очутилась на берегу, к которому Коркоран уже причалил. В один момент все: офицеры, солдаты, канониры, пехотинцы, любопытные, мужчины, женщины, дети – разбежались по всем направлениям, и Коркоран остался один, если не считать жалкого начальника поста, того самого, который распорядился произвести выстрел по его пароходу и которого наш друг капитан схватил в этот момент за шиворот.

– Пустите меня! – кричал индус, вырываясь всеми силами. – Пустите меня, а не то я позову стражу!

– Если ты осмелишься сделать шаг без моего позволения, то я тебя отдам на ужин моей Луизон.

Эта угроза произвела такое сильное впечатление, что офицер стал послушнее и смиреннее овечки.

– Увы! Всемогущий господин, сдерживайте вашу тигрицу, а иначе мне грозит неминуемая смерть!

И действительно, Луизон, давно не евшая свежего мяса, сильно проголодавшись, кружилась около индуса, весьма недвусмысленно поглядывая на него. Она находила его аппетитным: не очень жирен, не очень худ, но нежный, откормленный и как раз в соку. По счастью, Коркоран успокоил его насчет намерений Луизон, а затем спросил:

– В каком ты чине?

– Я поручик! – отвечал индус.

– Проведи меня во дворец государя Голькара.

– С вашей... подругой? – спросил индус нерешительным тоном.

– Черт возьми! Неужели ты думаешь, что я стыжусь своих друзей, когда являюсь во дворец?

«О Брахма и Будда! – размышлял в этот момент индус. – Какая досада, что мне пришла в голову нелепая мысль сделать выстрел по этому пароходу, вовсе ничего дурного не замышлявшего! Для чего мне было спрашивать имя прохожего, который мне ничего не ответил? О Рама, непобедимый герой, ниспосли мне на время твою силу и твой лук, чтобы я мог пронзить стрелами эту Луизон, или ниспосли мне твою быстроту, чтобы я мог улепетнуть мгновенно к себе домой».

– Ну что же? Покончил ты со своими размышлениями? – спросил Коркоран. – Луизон может потерять терпение.

– Но, господин, – возразил индус, – если я вас приведу во дворец государя Голькара с тигрицей, следующей по пятам за вами, или, увы, лучше сказать, за моими пятами, то Голькар прикажет отрубить вам голову.

– Ты так полагаешь?

– Полагаю ли я! Еще бы мне не быть в этом уверенным! Ведь Голькар не приступает к вечерней молитве, пока не посадит на кол пять или шесть человек в течение дня.

– Ах, так вот оно что! Этот Голькар мне нравится... Я принял окончательное решение, посмотрим, кто из нас двоих посадит другого на кол.

– Но, господин, он неизбежно прежде всего посадит меня.

– Однако довольно, поговорили! Иди вперед, а иначе будешь иметь дело с Луизон.

Эта угроза придавала энергию индусу. Да и, кроме того, он вовсе не был уверен в том, что Голькар посадит его на кол, а между тем в десяти вершках расстояния от себя он видел когти и зубы Луизон.

В силу этого он снова обратился с молитвою к Брахме, отцу всех тварей, и быстро зашагал по направлению к дворцу. Коркоран шел вслед за ним, а около него весело подпрыгивала Луизон, ласкаясь, как борзая собака. Благодаря такой свите Коркоран без труда вошел во дворец. Все уходило подальше от него. Но когда они подошли к подножию той башни, в которой находились Голькар с дочерью, индус решительно отказался следовать далее, сказав:

– Господин! Если я поднимусь вместе с вами, смерть моя неизбежна. Прежде чем мне удастся произнести хотя бы одно слово в свое оправдание, голова моя будет уже отрублена. Вы также, господин, если будете настаивать на осуществлении вашего дерзкого намерения...

– Хорошо, хорошо! – возразил Коркоран. – Голькар во-все не такой злой, как ты говоришь, и я уверен, что он ни в чем не откажет моей подруге Луизон. Что касается тебя, это иное дело!

– Господин! – смиренно отвечал индус. – Да будут с вами Брахма и Будда!

После этих слов он быстро исчез. Коркоран поднялся тотчас на верх башни, куда вела лестница в двести шестьдесят ступеней, к самой террасе, где сидел государь Голькар с дочерью, безмолвно всматриваясь в долину Нербуды.

Луизон шла впереди своего господина и первая появилась на террасе. При виде ее испугавшаяся Сита громко крикнула от ужаса, и Голькар, быстро вскочив, выхватил револьвер из-за пояса и выстрелил в Луизон.

По счастью, пуля в нее не попала, а сплющилась, коснувшись стены, и рикошетом контузила руку Коркорана, шедшего за тигрицей.

– Вы погорячились, государь Голькар! – воскликнул капитан, находя совершенно естественным все происшедшее, и поспешно добавил: – Ісі, Луизон!

Это было очень кстати, потому что тигрица хотела было броситься на выстрелившего в нее.

– Ісі, дитя мое! Вот так, хорошо!.. Ложись у ног моих!.. Отлично!.. А теперь ползи, прояви почтение к принцессе... Не бойтесь ничего, ваше высочество! Луизон кротка как овечка... Она ползет, чтобы испросить у вас прощения за причиненный вам испуг. Иди, Луизон, иди, моя дорогая, проси прощения у этой прелестной принцессы...

Луизон повиновалась, и успокоенная Сита слегка погладила ее рукой, что, по-видимому, очень польстило тигрице.

Однако Голькар, по-прежнему готовый к защите, спросил высокомерным тоном:

– Кто вы такой? Каким образом вы могли сюда проникнуть? Неужели мне уже изменили мои собственные рабы и предали меня англичанам?

– Государь! – почтительно ответил Коркоран. – Вас не предали, и если есть за что благодарить Господа после Его милости создать меня бретонцем и назвать меня Коркораном, так это в особенности за то, что Он не создал меня англичанином.

Голькар, не отвечая ему, взял в руку маленький серебряный молоточек и ударил им по гонгу; однако на этот зов никто не явился.

– Государь Голькар, – сказал, улыбаясь, Коркоран, – никто вас не услышит, так как, увидя Луизон, все разбежались. Но будьте спокойны, Луизон – девочка хорошо воспитанная и умеет себя вести как следует... А теперь позвольте спросить, государь, какой измены вы опасаетесь?

– Если вы не англичанин, то к какой же вы нации принадлежите и откуда вы приехали?

– Государь! – отвечал Коркоран. – В этом необъятном мире имеются два рода людей, или, если сказать иначе, два главных племени, не считая ваше племя, – это французы и англичане, относящиеся друг к другу как собака к волку, как тигр к буйволу и как пантера к гремучей змее. Оба эти племени племена жадные, одно жаждет похвал, а другое денег, но оба они одинаково воинственны и всегда готовы, не будучи приглашенными, вмешиваться в чужие дела. Я принадлежу к первой из называемых мною рас, то есть французской, и называюсь я капитан Коркоран...

– Как? – прервал его Голькар. – Так вы тот самый знаменитый капитан, командовавший бригам «Сын бури»?

– Знаменитый или нет, я это не знаю, но действительно то, что я капитан Коркоран! – отвечал наш друг.

– Значит, это на вас около Сингапура напали двести человек малайских пиратов, которых вы, имея всего человек семь команды, швырнули за борт?

– Да, это был действительно я! Но каким образом вы могли все это узнать?

– Все это было напечатано в «Бомбей таймс». Ведь эти каналы, англичане, всегда первыми узнают обо всем, что происходит на океане, и даже в течение некоторого времени они пытались уверить, что этот подвиг был совершен англичанином, так как Коркоран англичанин.

– Англичанин! Я – англичанин! – с глубоким негодованием воскликнул капитан.

– Но им недолго удалось вводить всех в заблуждение. Как вам это, вероятно, известно, двенадцать человек из этих гнусных негодяев малайцев были повешены... Однако тринадцатому из захваченных удалось бежать в тот момент, когда его вели к виселице; он ускользнул от солдат в Сингапуре и там некоторое время скрывался, а затем нашел возможность на китайском судне отправиться в Калькутту. Оттуда он явился искать убежище здесь у меня. Это индус-магометанин. Он мне рассказал, каким образом он встретился лицом к лицу с вами, и... да вот... смотрите... он сам сюда пришел...

Действительно, в этот самый момент раб появился на пороге террасы. Это был человек высокого роста, хорошо сложенный и даже красивый, но с худощавыми руками и ногами, обещавшими проворство, но не силу.

При виде Коркорана, а в особенности Луизон, страшно зарывавшую, раб хотел было бежать, но Голькар приказал ему остаться, крикнув:

– Али!

– Что прикажете, государь?

– Всмотрись хорошенько в этого белого человека. Знаешь ли ты его?

Али с крайне нерешительным видом подступил ближе и, едва взглянув на Коркорана, воскликнул:

– Государь! Это он самый!

– Кто же он?

– Капитан корабля! А это она! – добавил он, указывая на тигрицу. – Господин! Господин, не губите меня!

– Хорошо! – весело возразил Коркоран. – Мы с Луизон нисколько не злопамятны. Бог с тобой! Тебя хотели повесить, но ты своевременно высвободил голову из петли. Я к тебе никакой претензии не имею, и государь Голькар хорошо сделал, приняв тебя к себе на службу.

– Однако что значат весь этот шум и беспорядок, которые я вижу на улицах Бхагавапура? Что это за крики, что это за выстрелы из ружей и этот барабанный бой?

– Государь! Вот именно потому я и осмелился явиться сюда, не будучи призван. Я пришел известить вас, что когда капитан Коркоран вышел на берег, его приняли за агента, посланного англичанами. Ваш бывший министр Рао тотчас распространил слух, что вы убиты выстрелом из револьвера и что английская армия в двух милях от города. Он поднял восстание в нескольких полках армии и провозгласил свои права на престол, – сказал Али.

– Ах, изменник! Я тотчас прикажу посадить его на кол! – воскликнул Голькар.

– Рао всех уверяет, что его поддерживают англичане, и уже приступил к осаде дворца.

– А! – воскликнул Коркоран. – Положение становится интересным!

До этого момента красавица Сита не произнесла ни слова, напряженно слушая. Но, видя, какой опасности подвергается отец ее, она вскочила и, взволнованная, подбежав к Коркорану, взяла его за руки, воскликнув, заливаясь слезами:

– О господин! Спасите его!

– Да разве я могу устоять против такой просьбы и слез в таких прелестных глазах? Государь Голькар, дайте мне тотчас же револьвер и хлыст... С этим оружием я за все ручаюсь и в особенности за изменника Рао.

Али тотчас же принес револьвер и хлыст, и немедленно вслед за тем Голькар, Коркоран и Али спустились вниз по ступеням лестницы, а Сита, оставшись в башне одна, упала на колени, вознося горячие молитвы Брахме, и умоляла его о покровительстве ее защитникам.

Небольшое число солдат весьма вяло защищали вход во дворец и, по-видимому, готовились уже уступить усилиям толпы.

Три полка сипаев осаждали входы в крепость и неистово кричали. Рао, сидя на коне, командовал ими и всеми силами возбуждал их рвение. Со всех сторон свистели пули, и бунтовщики подвозили пушки, намереваясь уничтожить ворота.

Коркоран полагал, что при таком положении дела каждая минута была драгоценна.

– Отворите ворота! – крикнул он. – Я отвечаю за все.

Уверенный и решительный вид капитана внушил полное доверие Голькару. Он приказал отворить ворота, и это до такой степени изумило сипаев, опасавшихся засады, что они инстинктивно попятнулись назад. Ружейные выстрелы тотчас же замолкли, и на площади все стихло. Коркоран громким голосом воскликнул:

– А где господин Рао?

– Вот я! – отвечал Рао, подъезжая к капитану верхом на лошади и окруженный своим штабом. – Вероятно, Голькар желает сдаться на определенных условиях?

– Черт возьми! Вот бесстыдный наглец!

Вместе с тем капитан слегка свистнул, и на свист тотчас прибежала Луизон.

– Моя дорогая, – обратился к ней капитан, – поди-каними с лошади этого негодяя, но не причиняя ему боли. Возьми его осторожно между челюстями, ничего не ломая и не разрывая, и принеси мне его сюда... Ты меня хорошо поняла, дорогая?..

Знаком он показал тигрице Рао, который тотчас же вздумал ускакать, но лошадь его взвилась на дыбы и начала брыкаться. Лошади штабных офицеров тоже выказали большое беспокойство. Офицеры повернулись спинами и в беспорядке бросились вскачь сквозь ряды пехоты, очевидно опасаясь, чтобы Луизон не приняла кого-либо из них за изменника Рао, который тоже пожелал последовать их примеру, но судьба распорядилась иначе. Луизон уже вскочила на круп лошади; она схватила Рао зубами за пояс, и, соскочив на землю, как кошка, держащая в зубах мышку и не желающая ее тотчас задушить, положила его у ног капитана. Рао был почти в обмороке.

– Отлично, дитя мое! – нежно сказал Коркоран. – Сегодня к ужину я тебе дам сахару... Али, обезоружь этого старого негодяя и сторожи его, пока я поговорю с этими болванами.

Вслед за тем капитан с хлыстом в руке подошел близко к первому ряду сипаев, ружья которых были заряжены и держались ими наготове.

– Кто из вас желает быть повешенным, или посаженным на кол, или обезглавленным, или с содранной с живого кожей, или отданным Луизон?.. Никто не отвечает?..

И действительно, ужасный страх овладел всеми. Один вид капитана, точно упавшего с неба, изумлял суеверных индусов. Еще более пугали их когти и зубы Луизон. Да и наконец, для чего и ради кого бунтовать, когда Рао находился в руках Голькара?

В силу этого все сипаи поспешили воскликнуть:

– Да здравствует государь Голькар!

– Отлично! – сказал Коркоран. – Я вижу, что вы оставались верными вашему законному государю... Теперь обезоружьте трех полковников, трех подполковников и трех майоров... Прекрасно! Теперь, ребята мои, свяжите им руки и ноги и положите их здесь на мостовую... Превосходно... Итак, ребята мои, можете теперь спокойно возвратиться в свои казармы, и если узнаю, что кто-либо из вас ропщет, отдам его на завтрак моей Луизон... Покойной ночи, ребята! А мы, государь Голькар, пойдем ужинать!

Стол был накрыт во внутреннем дворе, около фонтана, освежившего воздух под сводом усеянного звездами неба.

Голькар, его дочь с глазами лотоса и капитан Коркоран сидели у стола, сервированного по европейской моде. Двадцать служителей подавали и убирали со стола. Сидевшие за столом ели с безмолвием и торжественной важностью восточных государей.

Около них Луизон, лежавшая между своим господином и прелестной Ситой и получавшая пищу как от одного, так и от другой, ласкающим взором поглядывала то на одного, то на другую.

Сита, благодарная за оказанную услугу и гордившаяся повиновением ей тигрицы, обращалась с Луизон как с любимой борзой собакой, давала ей сахар и ласкала ее. Тигрица слишком была умна, чтобы не понимать добрые намерения Ситы, и выражала ей свою благодарность, тихо шевеля хвостом и с негой вытягивая шею каждый раз, когда молодая девушка клала руку на голову своей новой подруги.

Наконец Голькар подал знак, и все служители ушли, оставив его одного с дочерью и капитаном.

– Капитан! – сказал Голькар, подавая ему руку. – Вы только что спасли мне жизнь и престол. Чем я могу выразить вам свою благодарность?

Коркоран, с изумленным видом подняв голову, отвечал:

– Государь Голькар, услуга, оказанная вам мною, до такой степени незначительна, что, по правде сказать, не стоит нам об этом и говорить. Во всяком случае, больше всего сделала Луизон, выказавшая во всем этом деле такт и деликатность, заслуживающие полной похвалы. Она плохо позавтракала и была голодна, и потому хотя она и тигрица, но находилась в таком же настроении, как злой пес. Вы выстрелили в нее из револьвера... Я в этом вас несколько не упрекаю, так как это было следствием весьма извинительного заблуждения... Вы промахнулись; и она могла бы мигом вас проглотить, но она сумела совладать с собой: сдержала свой аппетит и подавила в себе грубые страсти. Это очень много и очень трудно, если принять в соображение дурное воспитание, полученное ею в лесах Явы... Тем временем негодяй поднял бунт среди ваших сипаев, что, говоря между нами, представляется далеко не трудным, и вывел их против вас. А между тем вы хотели выйти из дворца и дать себя зарезать как курицу. Но Луизон угадывает ваше намерение: она бросается, схватывает злосчастного Рао сзади около пояса, – увы, я полагаю, ему едва ли возможно будет сидеть, и кладет его у ваших ног... Говоря откровенно, если в этом деле существует благодетель, так это только Луизон. Что касается меня, я только шел по намеченному ею пути.

– Господин Коркоран! – сказала красавица Сита. – Я обязана вам жизнью и честью и никогда этого не забуду.

При этом она протянула капитану руку, которую он почтительно поцеловал.

– Я знаю, капитан, – продолжал Голькар, – что вы принадлежите к великодушной нации и не допускаете оплаты оказываемых вами услуг, но все же не могу ли я в свою очередь чем-либо быть вам полезным?

– Полезным, дорогой государь? – воскликнул Коркоран. – Не только полезным, но вы мне крайне необходимы... Знаете ли вы, что я приехал с единственной и исключительной целью отыскать древнюю рукопись, мысль о приобретении которой вызывает трепет радости в сердцах всех ученых Франции и Англии. Нужно вам сказать, что Академия наук в Лионе за свой счет прислала меня сюда, так что, в сущности, Луизон и я, мы путешествуем в интересах науки и состоим под покровительством французского правительства. У нас есть рекомендательные письма ко всем высокопоставленным лицам английского правительства в Индии и даже имеется к вам лично письмо знаменитого сэра Вильяма Бэроулинсона, президента географического, колониального, статистического, геологического, орографического, гидрографического и фотографического обществ, местопребывание которого в Лондоне, на Оксфордской улице, № 1831. Вот оно, это письмо, позвольте вам передать.

Капитан вынул из бумажника письмо с большой красной печатью, украшенной гербом ученого баронета и девизом, присвоенным его предкам еще со времен Вильгельма Завоевателя, соратников этого короля. В девизе было написано: «Regi meo fidus», что означает: «Верен своему королю».

Письмо было следующего содержания:

«Лондон... 1857 г.

Нижеподписавшийся сэр Вильям Бэроулинсон имеет честь известить ваше высочество государя Голькара о проезде молодого французского ученого, г. Коркорана, предпринявшего согласно инструкциям Академии наук в Лионе, а также нашим указаниям разыскать подлинную древнюю рукопись Гурукарамта, которая, как полагают, скрыта у истоков Нербуды в таком убежище, которое, по крайней мере это мое личное мнение, хорошо известно Вашему Высочеству. Нижеподписавшийся осмеливается надеяться, что всегда существовавшие добрые отношения дружбы и близкого соседства между Вашим Высочеством и всемогущей Индийской компанией побудят Ваше Высочество оказать всевозможное покровительство изысканиям капитана Коркорана, возложенных на него Лионской академией наук, с милостивого разрешения Ее Величества королевы Виктории, государыни трех соединенных королевств: Англии, Ирландии и Шотландии.

В силу сего нижеподписавшийся сэр Вильям Бэроулинсон, президент географического, колониального, статистического, геологического, орфографического, гидрографического и фотографического обществ признает своей обязанностью просить Ваше Высочество предоставить в распоряжение названного капитана все материальные средства, как, например, лошадей, слонов, паланкины, рабочих, сипаев и вообще все, по мнению капитана Коркорана, необходимое для его предприятия, причем я, сэр Вильям Бэроулинсон, обязываюсь как от своего имени, так и от имени Лионской академии наук возместить все произведенные расходы и издержки и вообще уплачу все денежные суммы, которыми снабдит Ваше Высочество капитана Коркорана.

Кроме того, нижеподписавшийся долгом признает предупредить Ваше Высочество, что миссия названного ученого-путешественника ничего общего

с политикой не имеет. Нижеподписавшийся вполне уверен, что джентльмен, которого он почтительно просит Его Высочество позволения рекомендовать, во всех отношениях сделает честь благородной нации, гражданином которой он состоит, и славной нации, ему оказывающей покровительство, а также сделает честь науке, которой этот ученый-путешественник служит, и тому ученому обществу, которое его уполномочило.

Пользуюсь случаем напомнить Вашему Высочеству о той дружбе и расположении, которыми Вы когда-то удостоили меня, и позвольте выразить надежду, что время не изгладило это чувство расположения, о котором я вспоминаю почтительно и с глубокой благодарностью. Имею честь выразить Вашему Высочеству глубокую преданность и уважение.

Баронет Вильям Бэроулинсон».

Прочтя письмо, Голькар, протянув руку капитану, сказал:

– Дорогой друг мой, теперь между мною и вами такие отношения, что в подобных письмах нет ровно никакой надобности, и, принимая во внимание те отношения, в которых я в настоящее время нахожусь с англичанами, подобное письмо не могло бы быть вам полезным, если бы я не знал, как теперь, кто вы такой, и не убедился в вашей храбрости, благодаря которой спасена моя жизнь. По несчастью, как мне это отлично известно, полковник Баркли идет на Бхагавапур, но если бы даже это не было мне известно, то это мне доказала бы измена Рао, обнаруженная сегодня вечером. Ввиду этого я опасаясь не иметь возможности оказать вам помощь в ваших розысках. Я даже полагаю, что ваша дружба со мною много вам повредит в глазах англичан.

– Государь, прошу вас, не заботьтесь обо мне и о моих отношениях к англичанам. Если полковник Баркли отнесется ко мне недружелюбно, то, будь он во главе хотя бы тридцати полков, я сумею ему доказать, как тяжела моя рука, когда придется наносить удары. А потому прошу вас несколько не заботиться обо мне, а, напротив, быть может, я могу вам быть полезным и способствовать заключению мира...

– Заключить мир с этими варварами? – вскричал Голькар, и глаза его засверкали яростью. – Они убили моего отца и двух моих братьев; отняли у меня половину государства, а другую половину разграбили! Клянусь ослепительным Индрой, колесница которого проходит по небу, рассылая свет в самые отдаленные уголки мира, что если бы нужно было отдать мою жизнь и все мои сокровища для того, чтобы бросить в море всех этих рыжих варваров, то я ни на минуту не задумался бы всем пожертвовать. Да, клянусь, что я, исполнив это, с радостью возвратился бы к своим предкам...

– И оставил бы меня одинокой здесь! – прервала его Сита с выражением кроткого упрека в голосе.

– Ах, прости, дитя мое дорогое! – сказал старик, прижимая дочь к сердцу. – Одно только напоминание об англичанах вызывает во мне отвращение... Прощу капитана извинить меня...

– Ах, пожалуйста, государь, не стесняйтесь и сколько угодно проклинайте англичан. Что до меня касается, я тоже их терпеть не могу, за исключением сэра Вильяма Бэроулинсона, показавшегося мне очень симпатичным человеком, хотя немного многословным в своих объяснениях. Вообще я столько же интересуюсь англичанами, как маринованной селедкой или сардинкой в масле. Я бретонец, и между саксонской расой и мною не может быть ничего общего.

– Очень рад, слыша это, капитан! – сказал Голькар. – Вначале я опасался, полагая, что вы друг англичан. Когда я думаю об участии Ситы, кровь кипит в моих старых жилах, и мне бы хотелось всем англичанам, находящимся в Индии, отрубить головы... Но не будем больше говорить об этом, а ты, моя дорогая Сита, чтобы рассеять мое волнение и успокоить меня, прочти что-либо из тех прекрасных книг, в которых прославлялись наши великие предки.

– Если желаешь, я прочту тебе то место, – отвечала Сита, – из «Рамаяны», где царь Дакарата, будучи на смертном одре, трогательно жалуется, что нет около него Рамы, его дорогого сына, этого непобедимого героя, которого он сам обвинял в том, что он заслужил наказание, так как в молодости своей совершил невольное убийство.

– Прочти, пожалуйста, – отвечал Голькар.

Сита, тотчас встав, принесла книгу и начала чтение:

– «Я пришел к пустынным берегам реки Караю, куда привлекло меня желание выстрелить в животное, не видевши его, а только по производимому его движениями шуму, что мне всегда удавалось благодаря моей большой опытности в стрельбе из лука. Там я был скрыт темнотою, не выпуская из рук натянутого лука, стоя вблизи от уединенного водоема, куда ночью жажда привлекала четвероногих, населявших леса.

Тогда я услышал звук, похожий на шум, производимый медленно пьющим слоном, и вместе с тем чрезвычайно похожий на шум, слышимый при наполнении кувшина водой. Я тотчас пустил из лука острую стрелу в то место, откуда мне послышался шум, так как рассудок мой затемнен был роком.

В ту минуту, когда стрела моя попала в цель, я услышал голос человека, жалобно воскликнувшего: “Ах, я умираю! Как это возможно выпустить стрелу в такого отшельника, как я? У кого такая жестокая рука, способная пустить в меня стрелу? Я пришел ночью черпнуть воду в уединенном месте реки и никого ничем не оскорбил!”

Услышав эти жалобы, страшно смущенный душою и дрожа от страха, вызванного такой непростительной ошибкой, я выпустил лук из рук и бросился к месту, откуда слышался голос, и увидел упавшего в реку несчастного юношу, пронзенного прямо в сердце и одетого в кожи антилопы и пантеры.

Тяжело раненный юноша устремил на меня глаза, точно желая сжечь меня огнем своей лучезарной святости.

“Чем оскорбил я тебя, кшатрий? Я отшельник, скромный обитатель леса. Чем я заслужил быть убитым твоей стрелой за то, что я хотел взять отсюда немного воды для отца своего? Мои престарелые родители никакой опоры не имеют, кроме меня, в этом пустынном лесу, и теперь они ждут, эти бедные слепцы, надеясь на скорое мое возвращение. Ты одним ударом стрелы убил не меня одного, но сразу трех человек, то есть моего отца, мою мать и меня! А в силу чего?

Иди скорее, сын Рахгона, иди к отцу моему и расскажи ему об этом роковом событии, хотя ради того, чтобы его проклятия не сожгли тебя подобно тому, как огонь пожирает сухое дерево! Тропинка, которую ты видишь перед собой, ведет прямо к келье моего отца; поспеши отправиться туда, но перед этим скорее извлеки из меня стрелу твою”.

Вот все, что сказал мне молодой человек, и, глядя на него, мною овладело крайнее уныние, я чувствовал себя совершенно разбитым. Вслед за тем, страшно взволнованный, я крайне тщательно вынул из груди молодого отшельника злосчастную стрелу, надеясь этим сохранить ему жизнь. Но, увы! Как только я вынул стрелу из раны, тотчас сын отшельника, истомленный болью и тяжело дыша, после нескольких конвульсивных рыданий закрыл глаза и умер.

Тогда я, взяв его кувшин, направился к келье отца злополучного юноши.

Там я увидел его родителей: двоих несчастных слепых, никого не имевших для оказания им услуг и помощи и подобных птицам с отрезанными крыльями. Они сидели с нетерпением, поджидая сына; старик и старушка говорили о сыне.

Заслышав шум моих шагов, отшельник обратился ко мне, сказав:

“Почему ты так запоздал, сын мой? Твоя мать и я были сильно огорчены твоим долгим отсутствием. Если я или если твоя мать сделали что-либо такое, что тебе не понравилось, то прости нас и не оставайся отныне так долго там, куда ты пойдешь! Ты – наши ноги, лишенные возможности двигаться; ты – глаза наши, лишенные возможности что-либо видеть; но почему же ты молчишь и ничего мне не отвечаешь?»

Услышав это, медленно приблизившись к старцу, сложив руки и подавляя рыдания, весь содрогаясь и дрожащим от ужаса голосом, я ему ответил:

“Я кшатрий и зовут меня Дакарата, я не сын твой и пришел к тебе потому, что совершил ужасное преступление”.

Вслед за тем я рассказал ему все обстоятельства убийства молодого отшельника.

Услышав сказанное мною, отшельник несколько секунд сидел молча, точно окаменелый, наконец, придя в себя, он сказал:

“Если бы, совершив дурное дело, ты не сознался мне в этом самопроизвольно, тогда не только ты, но даже твой народ мог понести за это наказание и я уничтожил бы его огнем моих проклятий!

Это преступление вскоре бы низвергло Брахму с престола, на котором он, впрочем, твердо сидит. Что касается твоей семьи, то рай закрыл бы свои двери для семи из твоих потомков и семи из твоих предков.

Но ты, не сознавая, что делаешь, нанес удар моему сыну и потому остался жив. Пойдем, жестокий человек, поведи меня к тому месту, где стрела твоя убила это дитя и тем разбила посох слепца, дававший ему возможность существовать”.

Тогда я отвел обоих слепцов к тому месту, где находился их сын, и дал осязать отшельнику и его жене тело убитого мною.

Не бывшие в состоянии вынести бремя удручающего горя, едва они прикоснулись к убитому, как оба жалобно вскрикнули и упали на труп сына. Мать, целуя бледное лицо сына, начала жалобно стонать, как нежная корова, у которой отняли теленка.

“Яджнадета, – говорила мать, – разве я тебе не дороже жизни? Почему же ты не заговорил со мною, прежде чем отправить благословенное дитя мое в такое далекое путешествие? Поцелуй твою мать и тогда уже отправишься; разве ты сердит на меня, друг мой, что не желаешь заговорить со мною?”

Огорченный отец, страдавший печалью, обратился к своему мертвому сыну точно к живому со следующими словами:

“Сын мой, разве ты не узнаешь пришедшего сюда, вместе с твоею матерью, отца? Поднимись! Иди, возьми наши шеи и обними их, соединяя вместе. Кто же теперь будет нам приносить из лесу коренья и дикорастущие плоды? Я, эта бедная слепая согбенная под бременем лет, мать твоя, как могу я кормить ее, сын мой, будучи слепым, таким же, как она? Не покидай же пока этих мест: завтра, сын мой, отправишься вместе со мною и матерью”».

Здесь прекрасная Сита прервала чтение. Голькар слушал ее с задумчивым видом, и даже Коркоран был растроган и смотрел с восхищением на кроткое и прелестное лицо молодой девушки.

Однако наступала полночь, и Голькар хотел уже попрощаться со своим гостем, но в этот момент во двор вошел Али и, ни слова не говоря, подошел к своему господину, подняв руки вверх наподобие кубка.

– Кто там? Что тебе нужно? – спросил Голькар.

– Могу я говорить? – отвечал раб, взглядом указывая на Коркорана, который намеревался из скромности отойти в сторону, но был удержан Голькаром, сказавшим:

– Оставайтесь! Вы не можете быть лишним. Говори же скорее!

– Государь, – отвечал Али, – гонец прибыл от Тантиа Топее.

– От Тантиа Топее? – воскликнул Голькар, и в глазах его блеснула радость. – Зови его сюда!

Гонец вошел во двор. Это был факир, полуголый, с кожей темно-бронзового цвета, бесстрастное лицо которого было, по-видимому, совершенно чуждо как радости, так и горю.

Он стал на колени перед Голькаром, до земли преклонив голову, и безмолвно ожидал приказания встать.

– Кто ты такой? – спросил его Голькар.

– Зовут меня Сугрива.

– Брамин?

– Да, я брамин. Меня послал к тебе государь Тантиа Топее.

– Где доказательства данного тебе поручения?

– Вот оно! – отвечал факир, вынув из-за плаща, служившего ему одеждой, нечто вроде платка, странно вырезанного и на котором были начертаны санскритские слова.

– А! Настало время? – воскликнул Голькар, внимательно всмотревшись в платок.

– Да! – сказал факир. – Дело должно быть начато сегодня же в Мееруте.

– Капитан? Вы говорили мне, что не любите англичан? – сказал Голькар.

– Да! Я их не люблю, но и ненависти к ним не чувствую и вообще нисколько не забочусь о том, что с ними может случиться.

– Так вот, капитан! Вы вскоре кое-что новое узнаете. Полковник Баркли, пожалуй, в конце этого месяца может убраться домой.

– В самом деле? И эти известия вы получили от этого черномазого?

– Да! Этот черномазый верный, надежный человек, служащий гонцом друга моего Тантиа Топее, – отвечал Голькар.

– А кто такой этот друг ваш Тантиа Топее?

– Это я вам объясню завтра. Полковник Баркли ранее чем через три дня не появится здесь, следовательно, у нас имеются еще два свободных дня. Завтра, если желаете, мы отправимся охотиться на носорогов. Носорог – это царская дичь, и их, пожалуй, не найдется теперь более двухсот во всей Индии. Покойной ночи, капитан.

– Кстати, что вы сделали с Рао? – спросил Коркоран. – Разве вы не намерены судить его?

– Рао! – отвечал Голькар. – Он уже осужден, капитан. Перед ужином я отдал приказание посадить его на кол.

– Черт возьми! – воскликнул Коркоран. – Нельзя сказать, что вы теряете время!

– Друг мой! – отвечал Голькар. – Как только пойман – тотчас и на кол. Неужели вы хотите, чтобы я собирал целое судилище, как в Калькутте? Тогда, прежде чем произнесет речь прокурор и возразит ему адвокат, прежде чем уйдут совещаться судьи, англичане войдут в Бхагаватур и спасут жизнь этого негодяя, своего сообщника. Нет, нет! Он попался и расплачивается за всех.

– А впрочем, – отвечал Коркоран, потягиваясь, так как ему очень хотелось спать, – я заговорил об этом только из любопытства. Покойной ночи, государь.

Коркоран, следуя за Али, который указывал ему путь, отправился спать.

Глава VI

Беседа с Голькаром

Но, очевидно, судьбою было так решено, что уснуть капитану в эту ночь не удалось. Едва он улегся в кровать, как послышался большой шум. Коркоран поднялся и, опершись на локоть, тихонько свистнул, зовя Луизон, и сказал ей почти шепотом:

– Внимание, Луизон! Вставай, лентяйка.

Луизон в свою очередь внимательно на него посмотрела, прислушиваясь, и тихонько пошевелила хвостом, чтобы показать своему хозяину, что она его поняла, и наконец медленно поднялась и, прямо направившись к двери комнаты, снова прислушалась и затем спокойно возвратилась и улеглась у ног капитана, как бы выжидая его приказаний.

– Хорошо! – сказал капитан. – Я тебя понимаю, моя дорогая. Ты хочешь сказать, что опасность неважная. Тем лучше, так как мне хотелось бы немножко выспаться. А тебе?

Тигрица слегка раздвинула губы, над которыми были усы более жесткие, чем острие шпаги: это был ее способ улыбаться.

Наконец раздалися шаги в галерее, и Луизон снова возвратилась к двери; но, несомненно, опасность показалась ей недостойной ее вмешательства, так как она возвратилась обратно и снова легла у ног своего господина.

У дверей кто-то постучал. Коркоран встал полуодетый, взял револьвер и пошел отворить дверь.

Это был Али, пришедший разбудить его.

– Господин! – сказал он с испуганным видом. – Государь Голькар просил вас прийти к нему. Случилось большое несчастье. Рао, который должен быть посажен на кол, подкупил стражу и убежал вместе с нею.

– Вот как. Он не дурак, этот Рао! – сказал капитан, одевшись окончательно.

– Так вот, видите ли, господин, его высочество предполагает, что он отправился навстречу англичанам, находящимся уже по соседству. Их встретил Сугрива.

– Хорошо! Указывай мне дорогу; я иду вслед за тобой.

Голькар сидел на великолепном персидском ковре и, по-видимому, погружен был в глубокое размышление. При входе капитана он поднял голову и знаком пригласил его сесть около себя, а рабам приказал удалиться.

– Мой дорогой гость, вы, конечно, знаете о случившемся несчастье?

– Да, мне это уже рассказали. Рао убежал, но это нельзя называть несчастьем; Рао – негодяй, отправившийся дать себя повесить в другом месте.

– Да! Но он увел с собою двести всадников из моей гвардии, и все они вместе отправились присоединиться к англичанам.

– Гм... гм! – сказал с задумчивым видом Коркоран. Однако, видя, что Голькар очень подавлен этой изменой, он счел нужным ободрить его, сказав, улыбаясь: – В сущности, стало лишь на двести изменников меньше. Важное дело! Неужели вы предпочитаете, чтобы они остались здесь, в Бхагавапуре, каждый момент готовые предать вас полковнику Баркли?

– А между тем, – воскликнул Голькар, – всего час тому назад я получил такие хорошие известия!

– От вашего Тантиа Топее?

– Да, именно от него; выслушайте меня, капитан... после оказанной мне вами сегодня вечером услуги у меня от вас не может быть каких-либо тайн... Итак, я вам должен сказать, что вся Индия готова взяться за оружие!

– Для чего?

– Чтобы выгнать англичан.

– Ах! – воскликнул Коркоран. – Мне эта идея необычайно по сердцу. Выгнать англичан!.. То есть, государь Голькар, если бы они были в нашей старой Бретани в таком положении, как здесь, я бы их брал каждого порознь одной рукой за шиворот, а другой за пояс и бросал бы в море на корм морским свиньям. Прогнать англичан! Да я в таком случае весь к вашим услугам и, поверьте, окажу сильное содействие... Однако! Я забываю свои научные обязанности и письмо сэра Вильяма Бэроулинсона... а также забываю свое обещание не вмешиваться в политику во все то время, пока я буду между Гималайскими горами и мысом Коморин. Но все равно! Это великолепная идея... А кто первый подал эту идею?

– Так хотят все. Она исходит, эта идея, от Тантиа Топее, от Нанна-сагиба, от меня и, наконец, даже от всех!..

– Вы говорите, от всех! – смеясь, сказал бретонец. – И вы говорите, что их выгонят вон?

– По крайней мере, мы на это надеемся, но я опасаясь, что мне не придется быть свидетелем этого события. Этот Рао тремя месяцами ранее, будучи моим первым министром, надеясь овладеть моим государством и моей дочерью, обо всем предупредил и вошел в сношения с полковником Баркли. Об этом я узнал, хотя были только подозрения, и приказал наказать его пятидесятью палочными ударами... Вот как началось это дело...

– Как? Неужели эта отвратительная тварь надеялась сделаться вашим зятем? – спросил Коркоран, преисполненный негодования.

– Да! Этот собачий сын, отец которого был парс, торговец из Бомбея, захотел жениться на дочери последнего потомка Рагуиндов, самого благородного рода во всей Азии.

Надо сказать, что капитан, до сих пор мало интересовавшийся рассказом Голькара, теперь начал его слушать с особенным вниманием.

С этого момента им всецело овладело только одно желание, именно поймать Рао и посадить его на кол... Как он смел претендовать на руку Ситы... Самой прелестной девушки в Индии... ангела грации, красоты, кротости!.. Если этот Рао избежал кола, то не избегнет виселицы.

Таковы были размышления капитана. Но если вас удивляет то участие, которое он принимал в судьбе молодой девушки, о которой он накануне не имел никакого понятия, не знал ее имени и не видел ее лица, то я вам на это отвечу, что он был человеком мгновенного, первого впечатления, обожавшего приключения, не будучи вместе с тем ни на волос искателем приключений. Во всяком случае, его увлекала мысль быть покровителем молодой, преследуемой красавицы принцессы и в особенности преследуемой англичанами. В силу этого он сказал:

– Государь Голькар, я полагаю, что предстоит принять одно только решение, а именно отложить на другое время нашу охоту на носорога, а теперь заняться преследованием Рао, пока нам не удастся убить его. Полагаю, что он еще недалеко отсюда.

– Увы! Я об этом уже думал, но он на девять часов опередил нас и, несомненно, уже присоединился к английской армии... Нет, лучше будет, если поступим, как я хочу... Я уже отдал распоряжения относительно охоты. Мы отправимся около шести часов, потому что в этот час солнце всходит, а позднее жара становится невыносимой. Мы оставим мою дочь здесь, во дворце, под надежной охраной, потому что Рао наверняка имеет здесь сообщников, и возвратимся обратно к десяти часам... В это время Али останется во дворце, а Сугрива побродит по окрестностям и что-либо разузнает.

– Но, – заметил Коркоран, – если вы чего-либо опасаетесь, так что же заставляет нас охотиться на носорога именно сегодня?

– Мой дорогой гость, – возразил Голькар, – последний в роде Рагуиндов не хочет погибнуть, если ему суждено погибнуть, спрятавшись внутри дворца, как медведь в берлоге. Такого примера не подавал мой предок Рама, знаменитый победитель Раваны, государя демонов.

– В таком случае, – отвечал Коркоран, которого невольно тяготило предчувствие чего-то неприятного, – в таком случае, по крайней мере, позвольте мне оставить при вашей дочери телохранителя более надежного и более грозного, чем Али и весь гарнизон Бхагавапура.

– Кто же этот друг, такой надежный и такой грозный?

– Понятное дело Луизон!

В это самое время тигрица, понимая, что говорят о ней, встала на задние лапы, а передними оперлась на плечи капитана.

В эту минуту пришла Сита.

– Дорогое дитя мое, – сказал, обращаясь к дочери, Голькар, – завтра, очень рано утром, мы отправляемся охотиться на носорога...

– Конечно, со мною? – прервала Сита отца.

– Нет, дорогая! Ты останешься во дворце. Этот изменник Рао со своими всадниками рыскает, быть может, в окрестности, и я не хочу подвергать тебя встрече с ним...

– Но, отец, – возразила Сита, очевидно желавшая доставить себе удовольствие поохотиться, – ведь вам же известно, что я превосходно езжу на лошади, и притом я ни на секунду не буду расставаться с вами.

– Мне кажется, – добавил Коркоран, – что ваша дочь, оставаясь с нами, была бы в большей безопасности... Я вам обещаю зорко охранять ее, и в случае встречи с Рао я предоставлю его зубам Луизон.

– Нет, – возразил старик, – встреча всегда, и во всяком случае сейчас, дело слишком рискованное... а потому я охотнее принимаю ваше предложение оставить при ней Луизон в качестве телохранителя.

– Как! – воскликнула Сита, радостно хлопая в ладоши. – Так вы, сударь, на целый день оставляете мне Луизон?

– Я бы вам ее отдал навсегда, если бы мог допустить, что она на это согласится; но она немножко капризна и никогда не хотела слушать кого-либо другого, а только меня одного... Итак, Луизон, до моего возвращения вы исключительно принадлежите этой прелестной принцессе... Смотрите охраняйте ее заботливо... если кто-либо с ней заговорит, вы должны зарычать; если же кто-либо ей не понравится, вы его скушаете за завтраком. Если она захочет погулять по саду, вы должны ее сопровождать и всегда должны относиться к ней, как к вашей государыне и госпоже... Хорошо ли вы понимаете все ваши обязанности?

Луизон попеременно поглядывала то на Коркорана, то на Ситу и радостно покрикивала.

– Вы меня поняли, Луизон? – продолжал капитан. – В доказательство того, что вы меня поняли, лягте у ног принцессы и поцелуйте ей руку.

Луизон тотчас легла у ног Ситы и, отвечая на ласки ее, стала лизать немного жестким языком руки принцессы.

– Такой охранитель, – продолжал капитан, – может заменить целый эскадрон кавалерии по бдительности и храбрости; что же касается понятливости, она прямо равных себе не имеет... она не бывает оплошна и нескромна... она не любит пустой лести... она отлично умеет отличать истинных друзей своих от тех, кто стремится только обмануть ее; она не лакомка, и кусок сырого мяса ей достаточен... Наконец, у нее особый, замечательный такт распознавания людей, и сотню раз она меня избавляла от нескромных расспросов только тем, что очень кстати рычала.

– Господин Коркоран, – ответила Сита, – не существует сокровища, которое могло бы вознаградить за такую дружбу. Но я ее принимаю взамен моей дружбы к вам.

Пока шел этот разговор, начало рассветать. Коркоран, поцеловав в лоб Луизон, почтительно поклонился Сите, и вместе с Голькаром, сев на лошадей, они уехали, сопровождаемые шестью всадниками. Луизон с заметным огорчением поглядывала на этот отъезд, но наконец, по-видимому, спокойно покорилась своей участи. По зову Ситы она возвратилась во дворец

и, небрежно улегшись на веранде, как и принцесса, стала терпеливо дожидаться возвращения охотников.

Глава VII

Охота на носорога

Однако, по несчастью, несмотря на все свои прекрасные качества, Луизон была все-таки выросшая в лесах тигрица, так что, увидев, как на горизонте исчезают уехавшие охотники, и почуяв в повеявшем ветерке восхитительный запах лесов, она не выдержала, и ее начало мучить желание во весь опор поскакать в погоню за капитаном Коркораном, забыв о дворце и о возложенных на нее обязанностях телохранителя, важность которых она, к сожалению, не сознавала.

Словом, она была капризна, тщеславна, легкомысленна и до страсти любила развлечения. Очень может быть, что и она тоже страстно желала поохотиться на носорога, но это никогда не удалось узнать наверное, так как в числе ее пороков не было привычки разбалтывать первому встречному своих затаенных мыслей.

Так или иначе, но она начала зевать так сильно, вытягивалась во всех направлениях с такой истомой и даже так рычала, очевидно выказывая сильную скуку, что Сита, несмотря на все свое желание удержать ее около себя, обеспокоилась таким соседством и решила предоставить тигрице свободу.

Едва только открыли дверь дворца, как Луизон, выпрыгнув одним скачком, перелетела через ограду, отделявшую сад от города, перескочила через голову испуганного часового, пробежала две, три улицы, на пути опрокинула около двадцати мирных граждан, спокойно глядевших около своих лавок, и наконец добежала до главных ворот Бхагавапура, где солдаты, стоявшие на посту, конечно, не осмелились ее задержать, но даже отдали ей честь как любому генералу, но при этом не забыли быстро вскочить в казармы, где, схватив ружья, пустили в тигрицу дружный залп из ружей. Но Луизон на это не обратила ни малейшего внимания и быстрыми прыжками помчалась вперед.

На бегу она тщательно всматривалась и обнюхивала следы лошадей и поднимала нос вверх, обнюхивая воздух, совершенно так, как делают это, выслеживая дичь, собаки на охоте.

В это время Голькар и Коркоран, несмотря на то что у них было на душе много вызывающего большое беспокойство, весело разговаривали и, по-видимому, думали только об охоте на носорога.

– Случалось ли вам когда-либо охотиться на носорога? – спросил бретонца Голькар.

– Нет, государь! Никогда не случалось. Я охотился на тигра, слона, гиппопотама, льва, пантеру, но носорог для меня животное совершенно неизвестное. Я даже в зверинцах никогда их не встречал.

– Да! Эта дичь очень редкая и очень драгоценная! – сказал Голькар. – Он очень велик, когда достигает полного возраста. Я видел двух или трех больших носорогов ростом не менее шести футов вышиной и от двенадцати до пятнадцати футов длиной. Носорог тяжел, массивен; вся кожа его морщинистая и тверда как кираса; голова короткая, уши прямые и очень подвижные, как у лошади, а сверху тупой морды имеется рог, представляющий собой его главное орудие борьбы. Часом позже вы увидите, как он им пользуется. Если нам посчастливится на этой охоте, чего никак нельзя признать несомненным, потому что кожу его не пробивает пуля и притом он сильнее всех других животных, не исключая даже слона, то я вам обещаю к обеду великолепнейший бифштекс из мяса носорога. Такой бифштекс едят только за царским столом.

Разговаривая таким образом, Голькар и Коркоран подъехали к перекрестку, находившемуся у опушки. Этот перекресток назывался Перекрестком четырех пальм.

– Здесь мы остановимся! – сказал Голькар, слезая с лошади. – Наши лошади не могут вынести ни вида, ни запаха, ни столкновения с носорогом; теперь мы сядем на слонов.

И действительно, в этом месте оказались совершенно готовые и снаряженные слоны, поджидавшие сановных охотников.

– Зачем нужен, – спросил капитан, – этот человек, сидящий чуть не на ушах слона?

– Это вожак! – отвечал Голькар. – Его только одного понимает и ему одному повинуются слон.

– Ну а этот человек, почтительно сидящий позади меня и, по-видимому, ожидающий моих приказаний?

– Мой дорогой гость, это тот, которому предназначается быть съеденным.

– Съеденным кем? Я не чувствую голода и не полагаю, что вы для меня предназначали подобный завтрак.

– Быть съеденным тигром, милейший капитан.

– Тигром? Каким же это тигром? Мы отправились на охоту за носорогом, как я полагаю, но не на охоту за тигром!

– Дорогой друг мой! – смеясь, отвечал Голькар. – Это обычай, заимствованный нами от англичан, и это превосходный обычай, как вы в этом убедитесь. Англичане обратили внимание на то, что в наших лесах слишком часто случаются совершенно неожиданные встречи. Так, например, встреча с тигром или пантерой. А так как эти животные, поднимающиеся, подобно нам, очень ранним утром и, подобно нам, чувствующие голод и даже гораздо более нашего всегда голодные, не имеют решительно никаких других средств к существованию, кроме охоты, то они часто подстерегают путника на какой-либо глухой тропинке в надежде воспользоваться им для завтрака... Кроме того, так как они не любят нападать на людей лицом к лицу, то бросаются всегда сзади в такой момент, когда человек всего менее этого ожидает, и уносят в тростники, чтобы беспрепятственно сожрать.

Итак, англичане, будучи людьми очень рассудительными и очень предусмотрительными, как истые джентльмены, и признающие свою шкуру в глазах «вечной сущности» гораздо более дорогой, чем всех других существ человеческого рода, так вот эти господа англичане и придумали, когда они отправляются на охоту или на прогулку помимо карнака⁴ сажать на круп слона, позади себя, какого-либо жалкого туземца, которому и предстоит сделаться добычей тигра или иного хищника. Было бы несправедливо, так они рассуждают, чтобы кровный джентльмен подвергался риску быть сожранным, как какой-либо жалкий туземный нищий, и, надо полагать, что Божественное Провидение именно с той целью создало жалких туземных бедняков, чтобы они были пожираемы вместо джентльменов. Не правда ли, дорогой друг мой, что это великолепное рассуждение, и даже вы должны быть довольны, что этот сидящий за спиной парень вместо вас послужит бифштексом тигру?

– Нисколько. Могу вас уверить, что я его попрошу немедленно слезть и отправиться в Бхагавапур самым кратчайшим путем. Если мне предназначено послужить кому-либо пищей, человеку ли или зверю, то надеюсь, что это может случиться только после отчаянного сопротивления... Однако что все это значит? – озираясь, прервал себя капитан.

И действительно, слоны подняли хоботы и выказывали признаки сильного испуга. Вскоре карнаки заявили, что не в силах более с ними управиться.

– Это значит, – отвечал Голькар, – что близко от нас в тростнике скрывается нечто, что мы еще не видим, но, очевидно, нечто крайне опасное, судя по страху наших слонов. Будьте наготове, капитан, и зорко смотрите вокруг себя.

В тот же момент лошади встали на дыбы и сбросили нескольких всадников из отряда, а некоторые слоны, несмотря на все усилия карнаков, убежали.

Оказалось, что виною всего этого беспорядка была Луизон. Она мчалась полным галопом, перескакивая рвы, изгороди, кустарники, и летела со скоростью паровоза на полных парах.

⁴ Карнак – слоновожатый.

При виде тигрицы все взяли ружья на изготовку, но Коркоран успокоил их, сказав:
– Ничего не бойтесь! Это моя дорогая Луизон... Никак это вы, сударыня! – сказал капитан, глядя на тигрицу взором, который хотел сделать очень строгим. – Позвольте узнать, что вам здесь нужно?

Луизон ничего не отвечала, но очень выразительно шевелила хвостом.

– Да, да, я хорошо это понимаю! Вы соскучились во дворце... и вам угодно было поохотиться на носорога. Ну, смирно, Луизон! Я не люблю этого фамильярного обращения, когда вы должны чувствовать себя кругом виноватой. Хорошо! Можете оставаться с нами на охоте, но смотрите, будьте смиренны и старайтесь никого не пугать!

Восхищенная этим позволением и таким благоприятным приемом, Луизон весьма скоро добилась прощения за свое внезапное прибытие и в самое короткое время сделалась близкой приятельницей как людей Голькара, так и животных, а может быть, это только казалось, а, в сущности, никто не осмелился выразить ей свое искреннее чувство, а именно что каждый из них был бы рад знать, что она заперта в хорошую, прочную клетку за тысячу миль от Бхагавапура.

Вскоре после этого крики загонщиков возвестили о находке следов носорога и о том, что это животное появится на тропинке, на которой находилось несколько охотников и между ними Голькар и капитан Коркоран.

И действительно, через несколько минут появился носорог, преследуемый бросавшими в него камнями загонщиками. Несмотря на то что эти камни были очень большими, они отскакивали от толстокожего, как шарики из хлебной мякоти от солдатской каски. Он приближался мелкой рысью, нисколько не взволнованный или испуганный значительным количеством противников.

– Внимание! Приготовьтесь! – сказал Голькар. – Единственное место, в которое он может быть ранен, это ухо и глаз, да и то надо попасть сбоку, а все остальное прикрыто непроницаемой кожей.

Едва он произнес эти слова, как раздался общий залп. Более шестидесяти пуль разом попали в животное, нисколько не затронув и не причинив ему ни малейшего вреда. Один только Коркоран не стрелял и, как оказалось впоследствии, отлично поступил, сберегая выстрел.

Наконец носорог, раздраженный этими выстрелами, поднял голову и, бросившись с ужасающей силой и поразительной быстротой на слона, на котором сидел Коркоран, хватил это животное рогом. Удар был так силен, что раненый слон зашатался, но все же попытался захватить своего противника хоботом и, подняв его от земли, разбить его об утес или об дерево. Но быстрый носорог увернулся и другим ударом рога под самое сердце слона свалил последнего, упавшего тяжело на землю, как вырванный с корнями дуб.

В тот же момент носорог, высвободившись из хобота противника, бросился на Коркорана, опрокинутого вместе со слоном. Животное намеревалось ударить капитана рогом, и положение капитана было ужасное. Самые храбрые охотники не решались приблизиться, а Коркоран, запутавшийся ногою в сбруе слона, не мог встать быстро на ноги.

– Ко мне, Луизон! – крикнул Коркоран.

Но, по счастью, тигрица не находила нужным ждать этого призыва. Она следила за охотой взором любителя и имела такой вид, будто явилась сюда для обсуждения и оценки ударов. Она ранее призыва заметила опасность, в которой находился ее друг, и, одним прыжком бросившись к носорогу, кружилась около него, пока ей не удалось схватить носорога за уши, удерживая его, несмотря на все его усилия, почти неподвижным. Благодаря этой быстрой помощи Коркоран получил возможность высвободить ногу и стоял уже на ногах напротив врага.

– Браво, моя Луизон! Держи его крепче... так, совершенно так!.. погоди! Дай-ка мне разыскать подходящее уязвимое место!.. А! Вот оно.

В тот же момент дуло ружья он всунул в ухо носорога и выстрелил. Животное, смертельно раненное, в страшной конвульсии сделало отчаянное усилие, отбросившее Луизон на расстояние пятнадцати шагов, прямо на плечи одного из охотников. В то же мгновение носорог пал мертвым.

– Мой дорогой гость, вам изумительно везет! Счастье вас никогда не покидает! Я отдал бы половину моего государства за обладание таким преданным, верным, храбрым, а также изумительно ловким другом, как ваша Луизон... На сегодня охота окончена. Завтра, быть может, мы вам найдем что-либо получше... А теперь скорее в обратный путь!

Подняли носорога, поместили его в телегу и поехали в Бхагавапур.

Тем временем Луизон принимала выражения благодарности своего господина и веселыми прыжками доказывала, как она рада, что ей удалось спасти его.

Однако возвращение не было так весело, как предполагалось. Каждый ощущал какое-то смутное предчувствие чего-то недоброго, даже какого-то большого несчастья. Коркоран в душе упрекал себя в том, что он согласился поехать на охоту, а Голькар еще более упрекал себя за то, что предложил эту охоту, и оба они опасались за Ситу.

Вдруг на расстоянии полмили от Бхагавапура, с высоты холма, откуда видны были долина Нербуды и город, они заметили густой дым, поднимавшийся из предместий, и услышали глухой и отдаленный гул артиллерийских орудий и ружейных выстрелов, а также доносившиеся крики женщин и детей.

– Государь Голькар! – сказал Коркоран. – Вы, конечно, видите и слышите, что там делается? Бхагавапур горит или взят приступом.

Взглянув вдаль, Голькар смертельно побледнел.

– А моя дочь! Моя несчастная Сита!

В тот же момент он вонзил шпоры в бока коня и помчался во весь опор. Коркоран следовал за ним с такой же скоростью, но конвой, несмотря на то что скакал полным карьером, значительно отставал.

Они подскакали к ближайшим воротам и спросили объяснений офицера.

– Государь! – отвечал офицер. – Я не знаю, что произошло. Известно мне, что огонь появился в шести местах одновременно и даже во дворце вашего высочества, но...

Офицер хотел продолжать, но Голькар, уже не слушая его, снова вонзил шпоры в коня и яростно понесся вперед, крикнув:

– Во дворец!

Все во дворце было в ужасном беспорядке. На ступенях главной лестницы видны были большие лужи пролитой крови. По всем галереям валялись трупы. Почти все служители Голькара оказались убитыми.

Увидев все это, старик, придя в отчаяние, рвал на себе волосы, крича:

– Где Сита!

Вдруг появился Али. Ему нанесен был удар кинжалом в грудь, но удар не был смертельным.

– Али! Али! Что ты сделал с моей дочерью? – громовым голосом спросил его Голькар.

– Государь! Помилуйте вашего раба! Они похитили принцессу! – вскричал Али, упав на колени.

– Похитили мою дочь! – вскричал Голькар. – А ты, паршивая собака, ничего не предпринял для ее спасения? Презренный! Где же она? Кто ее похитил? Да говори же скорее!..

Али отвечал:

– Государь! Ее похитил Рао! У него были сообщники во дворце. Принцесса была схвачена людьми, спрятавшимися в засаде и заколовшими кинжалами почти всех ваших служителей. Похитители, несмотря на все ее крики и слезы, унесли ее в лодку, стоявшую очень близко, и перевезли ее на противоположный берег, где Рао поджидал их со своими всадниками. Они

уехали все вместе, но неизвестно, в каком направлении, потому что они причалили баркасы по ту сторону реки, так, чтобы не было возможности их преследовать.

Голькар, совершенно подавленный приключившимся с ним несчастьем, ничего уже не слушал, но Коркоран, хотя и чрезвычайно потрясенный этим неожиданным событием, размышлял только о средствах спасения Ситы. Наконец он спросил, обращаясь к Али:

– А откуда же этот дым, замеченный нами над Бхагавапуром?

– Увы! Дело в том, господин Коркоран, что эти разбойники с целью обеспечить успех своего преступления подожгли шесть кварталов города, но пожар был вскоре потушен.

– А теперь, – сказал Коркоран, – необходимо тотчас же вплавь переправиться на противоположный берег и привести сюда баркасы, и мы немедленно бросимся преследовать похитителей.

– Господин капитан, – возразил Али, – дело гораздо в худшем положении, чем вы это предполагаете. Мы только что узнали, что авангард английской армии в пяти милях от города, и, надо предполагать, что именно это обстоятельство придало смелость этому гнусному Рао решиться прокрасться к самому Бхагавапуру. В окрестностях уже видели отряд конницы.

– Ах! Пусть придут теперь! – в полном отчаянии воскликнул Голькар. – Пусть возьмут мой город, мои сокровища и мою жизнь! Я потерял мою дорогую дочь, ради которой я дорожил всем остальным. Теперь я все потерял!

Но Коркоран, взяв его за руку, решительным и твердым тоном сказал:

– Будьте мужественны, государь, и ободритесь! Правда, ваша дочь похищена, но она не убита и не обещена. Мы ее возвратим сюда, и за это я вам ручаюсь. Ах! Зачем Луизон не осталась около нее! Уж конечно, никому не удалось бы заколоть мою ловкую подругу кинжалом или подкупить ее, как этих злосчастных слугителей!.. Но что будешь делать! Чему суждено было случиться – произошло... Государь, я тотчас распрощаюсь с вами...

– Как! Вы меня покидаете? В такую минуту?

– Дорогой хозяин, я вам прощаю это несправедливое подозрение. Ведь я отправляюсь преследовать гнусного Рао, захватить его и собственными руками повесить на первом попавшемся на пути дереве.

– Да! Вы вполне правы! – отвечал Голькар, внезапно ободренный надеждою снова свидеться с дочерью. – Я отправляюсь вместе с вами!

– Нет! Это невозможно! Вы должны остаться здесь, чтобы сражаться против англичан, которые очень скоро приступят к осаде вашей столицы. Я же ничем не связан и немедленно отправлюсь на поиски Ситы, которую надеюсь вам возвратить... Ну! Пойдем, моя дорогая Луизон! Ведь, в сущности, это по твоей вине мы потеряли Ситу, а следовательно, ты обязана ее разыскать... Пойди ищи... ищи...

При этих словах он взял вуаль Ситы, еще пропитанную запахом ириса, и дал ее понюхать тигрице.

– Это ее, это Ситу надо разыскать! Ищи! Ищи! – сказал Коркоран.

В это самое время лодочники, отправившиеся вплавь для розыска баркаса, привели тот самый баркас, в котором переплавляли Ситу. Нисколько не колеблясь, Луизон легла в баркас, куда поместили еще ее господина, лошадь и двух лодочников.

Коркоран, переправившись на противоположный берег реки Нербуды, снова дал понюхать Луизон вуаль Ситы. Этот второй призыв, обращенный к тигрице, был вполне ею понят, и, нисколько не колеблясь, она направилась по одной из тропинок, хотя весьма глухой, но быстро выведшей к широкой просеке, где ясно были видны следы лошадей многочисленного отряда всадников. Оттуда тигрица направилась по весьма широкой и хорошей дороге. Коркоран полной рысью ехал вслед за своей подругой. Пробежав одну милю, Луизон нашла обрывочек платья и взглядом указала на него своему хозяину. Он слез с коня, поднял драгоценный обрывок, спрятал его на груди и продолжал дальнейший путь.

Наконец он услышал шум от движения отряда конницы, приближавшегося к нему, и надеялся тотчас встретить Ситу и ее похитителей. Но он ошибся. Это был эскадрон 25-го английского кавалерийского полка, занимавшегося рекогносцировкой местности.

Коркоран дал знак Луизон оставаться неподвижной и приблизился к отряду.

– Кто идет? – громко крикнул офицер.

– Друг! – ответил Коркоран.

– Кто же вы такой? – спросил английский офицер.

Этот офицер был высокого роста молодой человек с рыжими волосами на голове и рыжими бакенбардами, с широкими плечами, казавшийся превосходным кавалеристом, сильным боксером и отличным игроком в крикет.

– Я француз! – отвечал Коркоран.

– В таком случае как вы очутились здесь? – спросил офицер.

Повелительный и грубый тон вопрошавшего произвел скверное впечатление на бретонца, и он сухо ответил:

– Я прогуливаюсь.

– Милостивый государь, я вовсе не шучу! – возразил англичанин. – Мы здесь в неприятельской стране, и я имею право знать, кто вы такой.

– Это совершенно справедливо! – отвечал Коркоран. – Так вот я вам скажу теперь, что я явился сюда разыскивать знаменитую рукопись законов, носящую название Гурукарамта, о которой говорят, будто она скрыта в глубине какого-то храма. Не можете ли вы мне указать, где эта рукопись находится?

Англичанин поглядел на него с недоумением, так как не мог решить, говорил ли Коркоран серьезно или только насмехался над ним. Наконец он спросил:

– Конечно, у вас есть документы, удостоверяющие вашу личность?

– Знакома ли вам эта печать? – спросил Коркоран.

– Нет!

– Это печать сэра Вильяма Бэроулинсона, директора Индийской компании и президента географического, колониального, орографического и фотографического обществ, которого, без сомнения, вы должны знать.

– Еще бы мне его не знать! Благодаря ему я получил звание поручика в индийской армии.

– Так вот это – рекомендательное письмо, которое этот джентльмен...

– Этот баронет, хотели вы сказать! – прервал его офицер.

– Ну, баронет, если это вам более нравится. Он дал мне это письмо к генерал-губернатору в Калькутте.

– Хорошо! – сказал офицер. – Но откуда же вы приехали?

– Из Бхагавапура.

– А! Так вы видели бунтовщика Голькара! Ну, что же, готов он подчиниться или готов сражаться?

– Милостивый государь, вы об этом лучше будете знать, когда подойдете к Бхагавапуру.

– Но, по крайней мере, есть ли у него многочисленная и хорошо дисциплинированная армия?

– Сударь! Я в этих вещах ничего не понимаю... А теперь, милостивый государь, позвольте вас просить не мешать мне продолжать мое путешествие.

– Терпение, сударь! – сказал офицер. – Кто нам поручится, что вы не шпион Голькара?

Коркоран, пристальным и ледяным взором поглядев на англичанина, сказал:

– Милостивый государь, если бы мы были здесь одни, полагаю, вы умели бы быть вежливее.

– Сударь! Мне нет дела до вежливости, но я обязан исполнять долг службы. Следуйте за мною в лагерь.

– Я сам хотел просить вас указать мне путь туда.

И действительно, в этот момент он сообразил, что лучшим способом узнать, где находится Сита, будет отправиться в штаб-квартиру английской армии, где Рао несомненно нашел нужным искать убежище.

– Но, – добавил Коркоран, – вы, наверное, позволите мне взять с собою мою подругу.

– Конечно, сударь! Можете взять с собою каких угодно друзей.

Коркоран свистнул, и в ту же секунду к нему подскочила Луизон. Лошади эскадрона, охваченные невыразимым страхом, порывались убежать, так что всадникам пришлось делать страшные усилия, чтобы удержать их на месте.

Однако они вели себя с достоинством и особенного испуга не выказали. Офицер сказал:

– Милостивый государь, эта шутка немного опасная... Где вы подыскали себе такого друга?

– Изумляюсь вашему удивлению. Вы, господа англичане, полагаете, что вам известны все виды спорта, вы увлекаетесь лошадьми, собаками, лисицами, петухами и всеми другими тварями природы... Что касается меня, я предпочитаю тигров... у каждого свои вкусы... Неужели вы боитесь подобного спутника?

– Сударь! – гневно ответил англичанин. – Английский джентльмен ничего на свете не боится, но я спрашиваю себя, насколько общество тигра прилично джентльмену?

– Весьма возможно, что Луизон в этот момент задает себе такой же точно вопрос и спрашивает себя, насколько общество английского джентльмена будет приличным для нее. Но, наконец, будем вести себя корректно. Господин поручик, позвольте узнать ваше имя и фамилию?

– Зовут меня, сударь, Джон Робартс! – ответил англичанин надменно и сухо.

– Прекрасно! Будь внимательна, Луизон! Представляю вам высокопочтенного Джона Робартса, поручика двадцать пятого гусарского полка ее величества королевы... понимаете? Потрудитесь помнить, что вы не смеете прикоснуться к нему ни зубом, ни когтем, за исключением случая законной защиты...

– Милостивый государь! Скоро ли вы прекратите эту неприличную комедию? – сказал англичанин.

– А вам, господин поручик Джон Робартс, – продолжал, нисколько не смущаясь, Коркоран, – имею честь представить мисс Луизон, наилучшую мою подругу... Теперь, господин поручик, если вы находите, что я недостаточно уважительно отнесся к вашему мундиру, я к вашим услугам и готов тут же и немедленно дать вам удовлетворение.

– Хорошо, сударь! – отвечал Робартс. – Об этом мы поговорим впоследствии, а теперь потрудитесь следовать за нами.

Путешествие оказалось непродолжительным.

В четверти мили оттуда, на берегу маленькой речки, впадавшей в Нербуду, находился английский лагерь. Лошади, солдаты, маркитантки и все сопровождающее английскую армию группировались в весьма живописном беспорядке.

Джон Робартс, сопровождаемый Коркораном и Луизон, вошел в палатку полковника Баркли.

Глава VIII

Трогательный разговор Луизон и капитана Коркорана с полковником Баркли

Полковник Баркли, исполнявший теперь обязанности бригадного генерала, был самым храбрым офицером индийской армии. Он с большим трудом приобретал все повышения в чинах, и всегда как в мирное, так и в военное время ему давали самые трудные поручения. То командуя полком на границе, то в звании резидента наблюдая за туземными властями, за их правительствами и приготовлениями государей, плативших подати Индийской компании, как, например, Голькар, он приобрел полное доверие солдат и знал вполне основательно все пружины английской политики в Индии. Однако, не будучи ни братом, ни дядей, ни сыном или племянником кого-либо из директоров Индийской компании, он медленно повышался, но всегда получал неприятные или весьма опасные поручения.

Вот и теперь ему поручили атаковать Голькара.

Если ему удастся победить, то уже был наготове парадный генерал с блестящим родством, который тотчас будет прислан стать во главе армии и воспользоваться плодами победы Баркли. В силу этого полковник Баркли был постоянно в дурном расположении духа и имел вполне основательное нерасположение к фаворитам высокопоставленной и всемогущественной Индийской компании, но все это не мешало ему строго выполнять все свои военные обязанности.

Когда Джон Робартс вошел в палатку, старый Баркли, повернувшись к нему, спросил:

– Что нового, Робартс?

– Мы задержали одного человека, господин полковник. Это француз и, по-видимому, шпион Голькара.

– Хорошо! Введите его.

– Но, – сказал Робартс, – он не один...

– Хорошо! В таком случае пусть войдут с ним другие, и поставьте двоих часовых у входа в палатку.

– Но... господин полковник...

– Делайте так, как я вам говорю, и прошу не возражать мне!

Робартс замолк, подумав: «Ну что же, не хочет выслушать мои объяснения, пусть будет как ему угодно».

Сделав знак Коркорану, он сказал:

– Войдите!

Коркоран вошел, предшествуемый Луизон, которая по знаку капитана тотчас улеглась у его ног под столом, отделявшим Коркорана от полковника, сидевшего вполоборота и делавшего вид, будто не видит и не слышит вошедшего. Вследствие этого полковник не заметил присутствия тигрицы.

Прошла минута полного безмолвия. Коркоран, видя, что полковник не говорит с ним и не приглашает его сесть, уселся без приглашения и, взяв со стола книгу, делал вид, будто внимательно ее читает...

Наконец Баркли, убедившись, что имеет дело с человеком, которого не запугаешь, повернувшись, сказал отрывисто:

– Кто вы?

– Француз.

– Ваша фамилия?

– Коркоран.

– Ваша профессия?

– Моряк и ученый.

– Что вы разумеете под словом «ученый»?

– Я разыскиваю рукопись законов Ману и с этой целью путешествую за счет Лионской академии наук.

– Куда же вы направлялись, когда вас арестовали?

– Я разыскивал молодую девушку, которую какой-то разбойник похитил у ее отца.

– Это индуска или англичанка?

– Это дочь Голькара, государя мараттов.

Полковник Баркли, весьма недоверчиво поглядев на Коркорана, сказал:

– Почему вас интересуют дела Голькара?

– Я его гость! – решительным тоном отвечал капитан.

– Хорошо! – сказал полковник. – Но имеются ли у вас какие-либо рекомендательные документы?

Коркоран подал письмо сэра Вильяма Бэроулинсона. Прочитав письмо, полковник сказал:

– Хорошо! Теперь я вижу, что вы джентльмен. Вы можете успокоить Голькара относительно участи его дочери. Она в моем лагере: два часа тому назад ее привез сюда Рао. Она – весьма драгоценный для нас залог, но ей не сделано и не будет причинено ни малейшего зла. За это ручается честь английской армии; впрочем, сам Рао относится к ней с уважением, так как ему предстоит жениться на ней: это будет вознаграждением за его содействие...

– Скажите лучше, за его гнусную измену!

– Назовите как вам угодно! О словах я спорить не буду... А теперь, господин Коркоран, если вы желаете увидеть прелестную Ситу и известить ее отца, что она жива и здорова и находится в лояльных руках, я вовсе не против этого и можно тотчас призвать ее сюда.

– Я не осмелился просить вас об этом, господин полковник, и глубоко благодарен вам за ваше предложение.

Полковник ударил в гонг. Тотчас появился Джон Робартс. Он ждал с любопытством и нетерпением конца разговора и был крайне изумлен, увидев, что Коркоран спокойно сидит у стола напротив полковника, а Луизон лежит между ними, скрытая ковром, покрывавшим стол. Полковник, обращаясь к вошедшему поручику, сказал:

– Робартс, пойдите к мисс Сите и приведите ее сюда с полным уважением, которое обязан проявить английский джентльмен к даме самого высокого происхождения.

– Но, полковник... – отвечал Робартс, желавший предупредить полковника о присутствии Луизон.

– Вы еще не ушли? – сказал с флегматическим высокомерием Баркли.

Робартс, вынужденный повиноваться, с опущенной головой вышел из палатки.

– Вы, вероятно, незнакомы с долиной реки Нербуды? – спросил Баркли тоном туриста, расхваливающего великолепие какого-либо вида. – Это чарующая страна. Там есть места, в тысячу раз великолепнее, чем в Альпах и Пиренеях... Вы, милостивый государь, можете мне относительно этого поверить, потому что я девять лет прожил там, не имея другого общества, кроме каменных утесов гор и шпионов, сообщавших мне обо всех действиях Голькара... Ах, сударь! Какое скучное дело получать, анализировать, классифицировать и оценивать рапорты полиции! Если вы немного геолог, подобно мне... Вы геолог? Нет! Очень жаль!.. Геология моя главная страсть... Ах, если бы вы были геолог, какие бы славные экскурсии мы бы с вами сделали дней через восемь, потому что мне достаточно этого срока для ниспровержения Голькара. Вам, быть может, неприятно это слышать, так как вы дружны с Голькаром. Ну хорошо! Не будем говорить об этом... Надеюсь, сударь, что вы сделаете мне честь обедать сегодня у меня?

Коркоран извинился, уверяя, что не имеет возможности принять это любезное приглашение.

– А! Понимаю! Вы опасаетесь, что обед будет плох... Но успокойтесь. У нас имеется превосходное французское вино, страсбургские пироги, английские пудинги и вообще все, что производится на земном шаре вкусного и изящного для удовольствия джентльменов... Итак, дело решенное, вы обедаете у меня?

– Господин полковник, – отвечал Коркоран, – крайне сожалею, что не могу принять ваше любезное, дружеское приглашение, так как тороплюсь успокоить Голькара.

– Успокоить Голькара, милейший господин? Что вы! Я вас оставляю у себя! Напишите Голькару, и этого совершенно достаточно. Неужели вы полагаете, что я допущу вас возвратиться в неприятельский лагерь после того, как вы увидели мой лагерь? Я возвращу вам свободу только тогда, когда мы овладеем Бхагавапуром.

– А если, полковник, вы никогда им не овладеете? – спросил Коркоран, начинавший приходить в негодование, видя, что с ним обращаются как с военнопленным.

– Если мы никогда не возьмем Бхагавапур, то и вы никогда туда не возвратитесь, хотя бы не только Лионской академии, но и всем академиям в мире пришлось бы отказаться от чтения рукописи законов...

– Полковник! – отвечал Коркоран. – Вы нарушаете международное право.

– Вот как?

Но в эту минуту появилась Сита, и ее присутствие помешало начинавшейся ссоре.

– Ах! – воскликнула она, взглянув на Коркорана глазами, в которых сверкала радость. – Я знала, что вы явитесь сюда искать меня!

Эти слова наполнили сердце Коркорана невыразимой радостью. Следовательно, на него она надеялась! Следовательно, от него ожидала спасения. Но в настоящий момент было не до объяснений, и притом Коркоран опасался, что приход Робартса или кого-либо другого из офицеров штаба каждую минуту может помешать осуществлению задуманного им плана освобождения. Наконец он сказал:

– Итак, полковник, вы отказываетесь предоставить мне свободу?

– Отказываюсь!

– Вы вопреки всякой справедливости удерживаете у себя принцессу Ситу, похищенную у отца негодяем, которого вы желаете сделать ее мужем.

– Вы, кажется, позволяете себе допрашивать меня? – высокомерным тоном сказал Баркли, протягивая руку к гонгу.

– Итак, пусть будет, как решит судьба! – сказал капитан.

Прежде чем Баркли успел пошевелиться, капитан, схватив гонг, отложил его в сторону и, с быстротою молнии вынув револьвер из кармана, прицелился в полковника, воскликнув:

– Если вы кого-либо позовете, я размозжу вам череп!

Баркли, сложив на груди руки, сказал презрительным тоном:

– Разве я имею дело с разбойником?

– Нет! – отвечал Коркоран. – Но если вы кого-нибудь позовете, я буду убит, а вы станете убийцею. Это две роли одинаково неприятные... Давайте заключим договор, если хотите...

– Договор! – отвечал Баркли. – Я не вступаю в договоры с человеком, которого я принял как джентльмена, почти как друга, а он отблагодарил меня за это угрозой убить.

– Зачем такие слова, полковник? Ну хорошо, не будем вступать в договоры, да я в них и не нуждаюсь. Встань, Луизон!

При этих словах тигрица поднялась и впервые предстала перед изумленными глазами Баркли. Но изумление его вскоре обратилось в ужас, когда Коркоран сказал:

– Луизон, ты видишь полковника... Если он сделает хотя шаг из палатки, прежде чем принцесса и я будем сидеть на лошадях, я тебе его отдаю.

Угроза Коркорана была весьма серьезна, и Баркли отлично это сознавал, а потому, решившись на капитуляцию, спросил:

– Наконец, что вы именно желаете?

– Я хочу, чтобы привели сюда двух лучших ваших лошадей. Мы сядем на них, принцесса и я. Когда мы очутимся за пределами лагеря, я свистну. При этом сигнале Луизон тотчас явится ко мне, и тогда вы будете свободны и имеете полное право послать за нами в погоню всю вашу кавалерию, включая господина поручика двадцать пятого гусарского полка Джона Робартса, с которым мне нужно свести маленькие счета. Что же, это дело решенное?

– Решенное, – отвечал Баркли.

– Но не вздумайте нарушить ваше обещание, – добавил Коркоран, – потому что Луизон, будучи более смышленной, чем многие из христиан, поймет ваше намерение тотчас и задушит вас мгновенно.

– Милостивый государь! – отвечал высокомерным тоном Баркли. – Как вы можете с недоверием относиться к честному слову английского джентльмена?

И действительно, не выходя из палатки, полковник приказал Робартсу распорядиться, чтобы оседлали и привели к палатке двух самых лучших лошадей. Баркли смотрел, как принцесса и Коркоран садились в седла, и невозмутимо принял их прощальный поклон, ожидая с нетерпением свиста.

Но как только раздался свист и тигрица чудовищными прыжками умчалась из палатки, полковник крикнул:

– Десять тысяч фунтов стерлингов тому, кто мне доставит обратно живыми этого мужчину и эту женщину!

Услышав эти слова, весь лагерь заволновался. Все кавалеристы, не давая себе труда оседлывать коней, так как опасались потерять время, только взнуздывали их. Что касается пехотинцев, они уже бежали вслед за умчавшимися.

Однако поручик Робартс, взнуздывая коня, позволил себе сделать противное дисциплине замечание:

– Если полковник Баркли так желает их задержания, зачем же он дал им возможность убежать?

Полковник ответил, приговорив поручика к аресту на целый месяц. Ну что же? Баркли был прав: когда начальник сделал глупость, подчиненные должны молчать. Всегда опасно высказывать претензию, быть умнее начальства.

Глава IX

Вскачь! Вскачь! Ура!

В то время, когда половина английской конницы скакала, преследуя Коркорана и красавицу Ситу, капитан мчался галопом по дороге в Бхагавапур, а рядом с ним мчались дочь Голькара и неподражаемая, неустрашимая Луизон.

Все трое со скоростью курьерского поезда оставили за собою холмы, долины и уже надеялись избежать от своих врагов, как вдруг непреодолимое, совершенно неожиданное и ужасное препятствие появилось на их пути.

Коркоран приметил группу из шести всадников, одетых в красное.

Это были английские офицеры, выехавшие из лагеря на охоту и спокойно возвращавшиеся обратно, сопровождаемые тридцатью служителями из индусов и несколькими телегами, нагруженными дичью и всякими съестными припасами.

Увидев их, Коркоран и Сита остановили лошадей, а Луизон важно уселась на задние лапы, готовая, по-видимому, на обсуждение дела, так как образовывался военный совет.

Если бы капитан был один, то он ни на минуту бы не задумался и, нисколько не колеблясь, сопровождаемый всеокрушающей Луизон, смело прорвался бы сквозь этот незначительный отряд, но теперь он опасался рисковать если не жизнью, так свободой Ситы.

Сита, поглядев на Коркорана с очевидным отчаянием, спросила:

– Что же мы теперь будем делать?

– Находите ли вы возможным на все решиться? – спросил капитан.

– Да! Я готова на все!

– Как вы, вероятно, догадываетесь, дело заключается в том, что необходимо прорваться насильно или прибегнуть к хитрости. Я попытаюсь сначала прибегнуть к хитрости, но, если англичане догадаются, тогда придется убить несколько человек. Готовы ли вы на это? Не боитесь ли?

– Капитан! – отвечала Сита, подняв глаза к небу. – Я боюсь только не увидеть более отца и попасть снова в руки этого гнусного Рао!

– Прекрасно! В таком случае мы почти спасены. Пустите вашу лошадь мелкой рысцою, кстати, она отдохнет... и будьте готовы... Как только я воскликну: «Брахма и Вишну», пустите лошадь во весь опор! Луизон и я будем служить вам арьергардом.

Все трое беглецов в этот момент находились в долине, орошенной Гановери, пусть и небольшой, но очень глубокой речкой, впадающей в Нербуду. Оба склона долины были покрыты тростником и толстыми пальмовыми деревьями, в которых укрывается крупная дичь Индии, в том числе тигры, а потому было весьма неудобно уклоняться с большой дороги на глухие тропинки, так как каждую минуту можно было встретиться носом к носу с самыми опасными хищными животными, не говоря уже о тех ужасных змеях, яд которых убивает мгновенно.

Между тем английские офицеры приближались мелкой рысью, беспечно поглядывая по сторонам, как люди уверенные, что им не может встретиться неприятель. Они, очевидно, хорошо пообедали и, спокойно покуривая сигары, обсуждали статьи газеты «Таймс».

По-видимому, они нисколько не обращали внимания на Коркорана, казавшегося им должностным лицом Индийской компании, но были поражены редкой красотой Ситы.

Что касается Луизон, они сначала были изумлены ее присутствием, но, будучи англичанами и спортсменами, сообразили тотчас, что это был тоже своеобразный спорт, и у одного из них даже возникло желание купить эту тигрицу.

Обратившись к Коркорану, он спросил его:

– Вы, вероятно, едете из лагеря, милостивый государь?

– Да! – отвечал бретонец.

– Ну что же? Какие новости из Лондона? Письма должны были прибыть сегодня утром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.